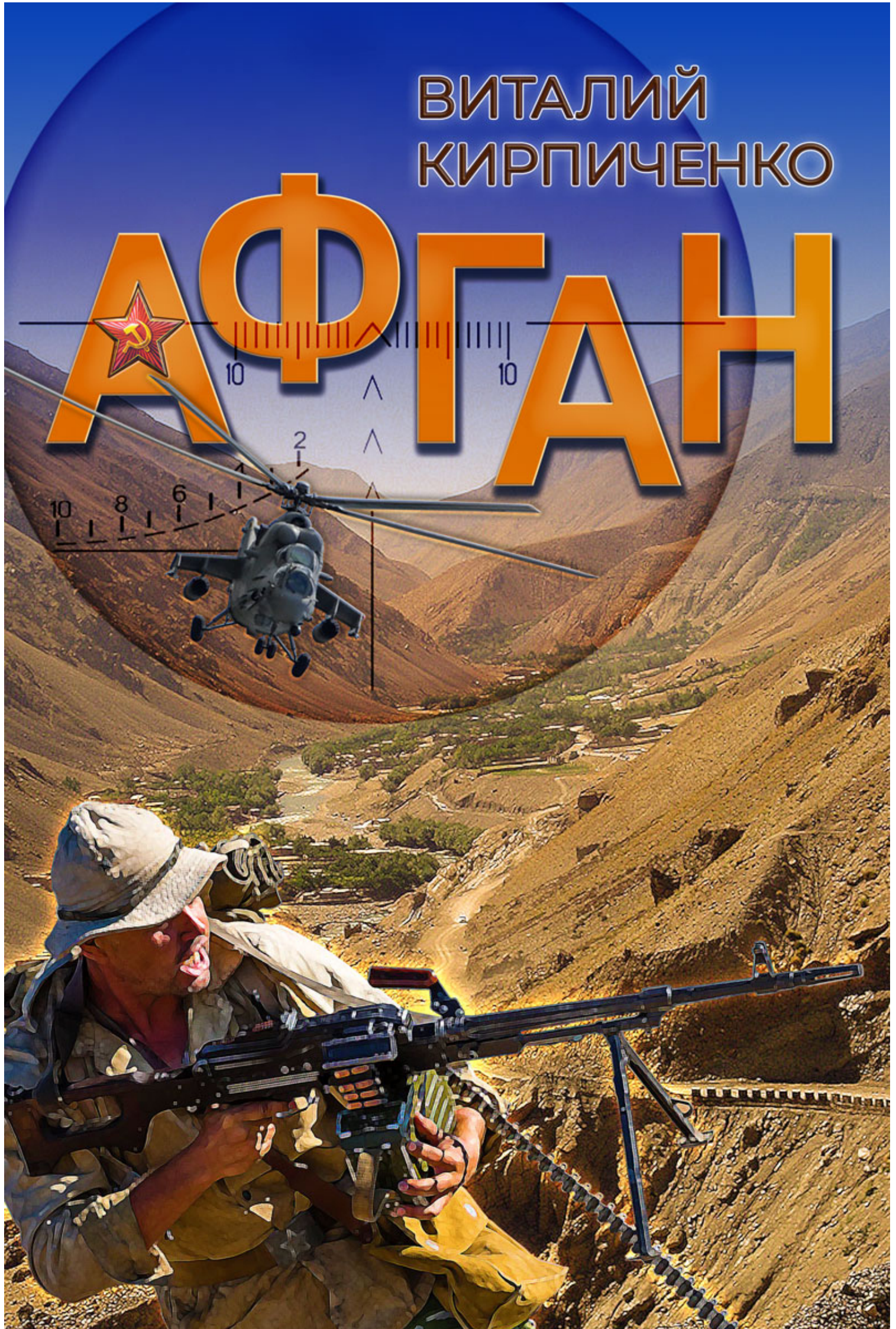

ВИТАЛИЙ
КИРПИЧЕНКО

АФГАН

Виталий Кирпиченко

Афган

«Четыре четверти»

2020

Кирпиченко В.

Афган / В. Кирпиченко — «Четыре четверти», 2020

ISBN 978-985-581-196-2

Герой романа – подполковник Гайдаенко – оказался в воюющем Афганистане. Иначе и не могло быть, ведь он из той плеяды офицеров, кто не просит должностей и не прячется за спинами в минуты опасности. Смерть его предопределена. Роман настолько правдиво и точно выбран по месту в пространстве и времени, написан таким ярким языком, что невозможно отложить книгу, не дочитав до конца.

ISBN 978-985-581-196-2

© Кирпиченко В., 2020
© Четыре четверти, 2020

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виталий Кирпиченко

Афган

© Кирпиченко В., 2020

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

Предисловие

Ранним октябрьским утром на военный аэродром под Иркутском приземлился транспортный самолёт с бортовым номером 63.

– Какой чистый снег, – сказал командир корабля помощнику, когда самолёт закончил пробег и катился по рулёмке.

– Первый снег, пожалуй, можно назвать эталоном чистоты, – ответил помощник. – Первый дождь проходит как-то незаметно, не запоминается так, как снег. Снег всегда радуется, обновляет чувства, хочется чего-то необыкновенного...

Командир с улыбкой посмотрел на своего помощника и ничего не сказал в ответ.

– Слава богу, ждут, – сказал помощник, увидев рядом со стоянкой самолётов грузовик. – Долго не задержимся.

Как только остановились винты, из самолёта вышел пехотный офицер и направился к машине. Прапорщик, сидевший в кабине, приотпустил стекло. Безразличным взглядом окинул офицера.

– Вы за «грузом двести»? – спросил офицер прапорщика.

– Да, за Гайдаенко.

– Не Гайдаенко, а гвардии подполковник Гайдаенко, награждённый тремя боевыми орденами. Погиб при исполнении служебных обязанностей в Афганистане! А вам, прапорщик, следовало бы выйти из машины, вы с офицером разговариваете! Родным хоть догадались позвонить? – спросил офицер, смерив презрительным взглядом, вылезшего из кабины, помятого с одутловатым лицом, прапорщика.

– Вчера наш майор звонил в сельсовет, где жил отец подполковника... гвардии подполковника Гайда...енко, ему ответили, что отец умер две недели назад, и больше из родных там никого нет.

Офицер нахмурился.

– Может быть, лучше похоронить по месту службы? – несмело подсказал прапорщик. – Что он будет лежать на заброшенном деревенском кладбище?

– Нет! Похоронить здесь. На родине. Это его пожелание, и мы обязаны исполнить. Похоронить со всеми почестями.

– У меня всё готово. Отделение солдат с оружием, лопаты, барабанщик...

Офицер вынул из нагрудного кармана пачку денег и передал её прапорщику.

– Офицеры собрали отцу, но коль нет его... помяните с земляками подполковника. Чтобы знали и помнили.

Скорый поезд «Владивосток-Москва» остановился на маленькой уральской станции. Желтый свет фонарей на перроне тускло освещал затоптанный до ледяной твёрдости снег, провалами в глазницах смотрелись мрачные окна пристанционных зданий, вмёрзшие в асфальт киоски, казалось, дрожали от стужи. Острыми иглами сверкал вымороженный воздух.

Люди на перроне, зябко ёжась, прятались в воротники, шарфы, но свирепый мороз доставал всюду, он студил лицо, леденил руки, густо обсыпал инеем ресницы, выбеливал тонкие ворсинки пуховых платков. Людям хотелось тепла и уюта. Провожающие не могли дожидаться, когда отправится поезд, и тогда можно будет прибежать в тёплую избу, припечатать к широкой русской печи настывшие спину и ладони и думать, и сожалеть, потому что расставаться всегда трудно. Отъезжающие ждали, что вот сейчас тронется поезд, проводница выдаст бельё и тёплое шерстяное одеяло, и тогда под мерный стук колес в ночи, сжавшись в комочек, согревая своим теплом холодную, как сталь, постель, жить оставшиеся минуты до сна своим прошлым и будущим.

Было уже за полночь, и пассажиры купейного вагона крепко спали; проводница, бессмысленно уставившись куда-то в угол своей каморки, ожидала отправления, чтобы потом закрыть двери, рассовать по местам купе неугомонных ездоков и прилечь до следующей станции, такой же холодной и неприветливой.

В этом вагоне не спал ещё один человек. Он стоял у окна пустого коридора и отрешенно смотрел в сторону фонаря, в свете которого кружились, поблескивая алмазными гранями, снежинки. Плотно сжатые губы, неподвижные серо-стальные глаза, строгие линии носа и подбородка выдавали в нём человека волевого и немного капризного. Он был в форме подполковника.

Напротив окна стояла группа людей, их смеющиеся радостные лица привлекли внимание офицера, он стал всматриваться в коренастого широкоскулого человека.

Накинув шинель и шапку, офицер заспешил к выходу. Проводница удивлённо вскинула и тут же опустила, спрятав под уставшие веки, глаза.

Офицер подошёл к группе, извинился и спросил широкоскулого, не служил ли он в N-ском полку. Недолго тень воспоминаний бродила по лицу скуластого.

– Как же! Конечно, помню! – радостно воскликнул он. – А вы, если мне не отказывает память, командир взвода лейтенант Гайдаенко.

Как бывает часто в таких случаях, пошли взаимные расспросы.

– Служу в Белорусском округе, – ответил офицер товарищу. – Сейчас в отпуске, были у родителей жены, теперь вот... еду обратно.

– А жену там оставили?

– Да, она осталась.

– Отпуск закончился?

– Нет. Только начался.

– Отозвали?

– Нет. Так получилось, что я должен был уехать, – нехотя отвечал офицер на прямые вопросы бывшего сослуживца.

– Куда же теперь? – не унимался тот.

– Взял билет до Москвы, а там видно будет.

Смолкли голоса, поугасли улыбки невольных свидетелей разговора.

– Так это... что, – подыскивал деликатные слова скуластый, чтобы не обидеть невзначай товарища. – Что-нибудь случилось?

– Не совсем так, хотя и есть что-то подобное.

После длительного неловкого молчания, как бы решившись на что-то, офицер вдруг спросил:

– Есть ли тут гостиница? Мне дней на десять.

– Да откуда ей взяться? Гостиница? Хотя погоди. Есть какой-то дом, не то колхозника, не то совхозника, а может и для престарелых. Одним словом, клоповник какой-то стоит вон там, на отшибе, – показал куда-то в темноту скуластый. – Я бы пригласил к себе, – продолжил он, повернувшись к невысокой женщине с таким густым румянцем, что скрыть его не мог даже холодный свет ламп, – но в наших хоромах жильцов, как семечек в бухарской дыне.

Выручила румянолицая, оказавшаяся женой сослуживца.

– В ста тридцати километрах отсюда живет моя мама. Деревенька в красивом местечке, и жить там можете, пока вам самим не надоест.

– Это дельное предложение, – подхватил скуластый. – Бабуля – что надо! Будете с ней пироги печь да были-небылицы друг другу рассказывать. Вот увидишь, тебе понравится, – перешел он как-то вдруг на панибратский лад. Офицер это заметил, но вида не подал и, обращаясь уже в основном к жене сослуживца, сказал, что предложение его устраивает, и он готов хоть сейчас ехать в деревню.

– Ты хорошо его знаешь? – спросила жена, когда офицер скрылся в вагоне. – Его не будут разыскивать?

– Не из таких он. Был моим командиром взвода, неплохим парнем был. Да лейтенанты плохими и не бывают.

Назавтра маленький, расхлябанный автобус катил от станции в глубинку. Дорога была хорошо укатанной, автобус жестко встряхивало на многочисленных ухабах, под сиденьем громыхали какие-то железяки, у ног катался грязный замазанный кардан, пассажиров то и дело подбрасывало, опасно сокращая расстояние между их головами и мятой крышей.

За офицером сидели два мужика. Один по виду механизатор, он в промасленном полушубке, с красным лицом, огрубевшими, в царапинах и шрамах, руками. Другой смахивал на бухгалтера или еще на какого-либо представителя сельской элиты.

– О, Буш знает, что делает! – громко говорил «бухгалтер». – Он не даст обвести себя вокруг пальца. Артист почище Рейгана.

– Вот скажи ты мне – будет война, иль нет? – без всякой связи со словами собеседника спрашивал механизатор.

– Ну, что ж, отвечу и на этот вопрос, – снисходительно уступал «бухгалтер». – Ситуация на сегодня сложилась так, что фатальной неизбежности войны нет...

«Нет, это не бухгалтер, – подумал офицер. – Это комиссар колхоза имени какого-то светлого пути».

– ...Но поскольку объективные причины её существуют, то возможно развязывание империализмом кровопролитной, ужасной по своей разрушительной силе, войны.

– Хорошо! – восхищение вырвалось из простуженной гортани механизатора.

– Что – хорошо? – не понял «комиссар».

– Говоришь хорошо! Как по писаному чешешь! Вот что значит быть большим человеком! А я своим оболтусам сколь говорил: учитеесь, учитеесь, а они... – механизатор смахнул невидимую слезу рукавом полушубка.

– Твои ребята – хорошие парни. Ты сам только что говорил, как здорово они трудятся.

– То-то и оно – трудятся. Я всю жизнь протрубил с малых лет, а хорошего так и не видал ничего. У других посмотришь: лёгчики, врачи, бухгалтеры. Во, с этими, нарукавниками! А мои... Ну, да ладно! – обреченно махнул он рукой. – С ими всё ясно. Ты скажи мне прямо, без этих «объективно», будет война, иль нет? А? – Механизатор был навеселе, и ему явно хотелось покуражиться перед этим умником в бурках.

– Так нельзя рассуждать: «будет – не будет», – почти передразнил «комиссар». – Политика – дело сложное, и понять бывает порой трудно, казалось бы, простой вопрос. Вот, например, Афганистан. Нас обвиняют, что мы развязали там войну, а ведь совсем не так...

– Как это не так? Как это не так, если так! Если мы туда со своими войсками...

– По просьбе ихнего народного правительства. Для защиты революционных завоеваний. Не войди мы – войдут американцы! Ракет наставят!

«Собака! Брешет и не кривится», – усмехнулся офицер.

– Это правильно, – враз согласился механизатор. – Знаешь, пусть они все, твои правительства и президенты, катятся ко всем чертям! Все они одинаковые! Им до нас нет никакого дела. Им бы хапнуть поболее мильёнов да славы погромче! – и как бы прозрев: – Хотя, если у них золотые унитаы и всякой всячины полным-полно, как ты мне тут пел, то при войне они всё это могут запросто потерять. Это же не сарай трухлявый с гнилой соломой сгорит! Его и то жалко. Значит, этому капиталисту война нужна, как собаке палка, во! Понял, философ? Давай по чуть-чуть. Давай за их дворцы, – гоготнул механизатор. – Чем больше их будет, тем больше будут они бояться. А нас не испугаешь! Нам что!

Звякнуло стекло о стекло.

– Хватит.

– Пей тут, на том свете не дадут, – продолжал шутить механизатор. – Ты куда едешь-то? До Осы? А я в Елово. Ты из здешних? Оно и видать. А кем работаешь? А, я думал бухгалтером. Значит, по партийной линии. Оно, конечно, неплохо, да лучше б бухгалтер: сиди себе в тепле с рукавами такими. А я вот тракторист и комбайнёр, механизатор, значит, широкого профиля. Да. Люди сейчас живут хорошо, спасибо партии. Машины у многих, а мотоцикл почти каждый может купить. Вот только б войны не было. Я как вспомню то время, так плакать хочется. Мальцом был, когда она началась. Как сейчас помню. Мужиков провожали. Помню, как отец в машину садился, а я бежал за ней по пыли, пока она не скрылась... – голос мужика дрогнул. – С тех пор не видал я отца, его сразу же убили. В нашей деревне нет дома, где кого-то не убили. У моей бабушки было два сына, дядя Миша и дядя Толя. Обоих убили в первый же год войны. Потом дядю Гришу убили, а у него пятеро, мал мала меньше, старшему Володьке, моему братану, было двенадцать годов. Вот и посуди теперь сам, как жить нам довелось, знали бы это твои политические руководители, хлебнули бы сами такого, так, небось, подумали бы перед тем, как начинать войну.

– Почему они мои? – не на шутку обиделся сосед механизатора. – Они такие же мои, как и твои.

– Э, а раньше-то ты так, поди, не говорил, поди, старался, из кожи лез, чтоб им угодить. Ну, да ладно, не обижайся. Ты, пожалуй, и не виноват, это твоя работа. Не то пришлось бы своим горбом хлеб зарабатывать, а это ох как трудно.

– А ты пробовал языком, как ты говоришь, хлеб зарабатывать? – покашливая от возмущения, спросил «партийный».

– Да ты что? С луны свалился? – рассмеялся механизатор простужено. – Я уж лучше в грязи да на морозе, но честно буду, не краснея, есть заработанный хлеб. Да ты не сердись, разве на правду можно сердиться. Ты посмотри, какой нынче снег! Будет урожай, я тебе говорю!

Офицер посмотрел в окно. Действительно, снегу было так много, и он так ослепительно сверкал на солнце, что было больно смотреть. На разлапистых елях и лиственницах покоились огромные белые шапки, горизонт не просматривался – безбрежное поле соединялось с небом где-то за пределами видимости, и повсюду белизна, кристальная и девственная.

Из труб, проплывающих мимо деревень, курился синий дымок, по широким улицам катили одинокие подводы то с сеном, то с мешками. На пригорках и речках катались дети.

«После катка, – вспоминал своё детство офицер, и усмешка теплила его лицо, – прибегают они домой, побросают у порога обледеневшие штаны и пальтишки. Бабушки и матери всё это разложат и развешат сушить, пожурив мимоходом неслухмянов, усадят их за деревянный длинный стол у окна, нальют горячих жирных щей, сунут в руку кусень ржаного хлеба... А шмыгающее племя будет тут же гадать, чем бы еще таким интересным заняться: мастерить ли гранату, закончить ли самопал или придумать ещё что-либо такое, что гремит и взрывается.

А как хороши зимой снегири! Важные, красногрудые, они изводили старого и мрачного кота Трифона... Хорошая пора детства, жаль только, что короток срок её...»

– Мне наплевать на твою Помпиду! – хмель крутил рога мужику. – Ты мне скажи, раз ты такой грамотный, правильная у нас политика или нет? Ты прямо скажи, без этих «ну». Я простой мужик и знать хочу, а ты партийный, так вот и скажи, почему это хвалили-хвалили одного, чуть не целовали в одно место, а как в яму бросили, – ты видал, как его бросили? – так стали говорить, что неправильно он руководил, развалил вроде всё в стране. Ты понял, о ком я говорю? Теперь обратно все кричат, что вот наконец-то нам глаза открыли и теперь мы уж точно знаем, как нам жить и что делать. Вот и получается: сидит там куча людей, сладко ест, мягко спит и только то и делает, что хвалит или ругает кого-то, одним словом, – всегда при деле. Ну, погоди, не перебивай! Вот сейчас обратно кричат: «дисциплина», «перестройка». Может, оно и правильно, только ты посмотри на мои пальцы, они не такие, как у тебя. С них

за зиму раз десять кожа слазит, и все равно я не буду спать спокойно, пока вот ими, этими пальцами, сам не переберу все болтики и гаечки. А ты талдычишь: «по-новому, по-новому».

Вдали замаячила деревня, и партийный работник засобирался, на слова попутчика, что до остановки ещё далеко, он пробурчал что-то невнятное, похожее на «пшёл к чертям собачьим», и протиснулся к выходу.

– Сейчас твоя деревня? – крикнул ему вдогонку механизатор, стараясь больше привлечь внимание других попутчиков, нежели убедиться в истинном намерении соседа сойти в собственной деревне. – Давай, политик, работай по-новому, мозги только не пудри народу!

Народ в автобусе потихоньку, глуповато хихикал.

Сумерки надвигались быстро. Серо-голубой воздух густел на глазах, превращаясь в фиолетовый. Крепчал мороз. Встречные машины шли с включенными фарами, свет от них растекался по замороженным стеклам.

Уныние захватило офицера, ему хотелось долгой-предолгой дороги...

В Елово офицер вышел вместе с механизатором. Всматриваясь в офицера, тот хотел заговорить и с ним, но его позвали попутчики, и они, громко разговаривая, направились в переулочек. Хруст снега под их ногами и смех были слышны ещё долго.

«Надо бы их спросить, где живёт Варвара Спиридоновна», – подумал офицер, остановившись посреди дороги. На безлюдной улице – ни души, ставни окон плотно закрыты, только кое-где ещё избы весело подмигивали жёлтыми огоньками окон. Огоньки светились везде: и в низине, и на пригорке.

От мороза с ветром дубело лицо, пронизывало шинель, как сито, стыли руки и ноги. Офицер уж было решился постучать в первую избу, да услышал говор женщин. Приблизившись к нему, женщины, внимательно всматриваясь в одинокую фигуру, пытались угадать в нём знакомого им человека.

– Солдат какой-то, – послышался неуверенный голос.

– Не Колька ли Устиньин? Писал, что приедет к Новому году.

– Что бы ему тут торчать?

– И то правда.

Офицер сделал шаг к женщинам, и те остановились. Поздоровавшись каким-то трескучим, мерзлым голосом, спросил, как ему найти Варвару Спиридоновну Кононову. Женщины, а это были возвращающиеся с фермы доярки, наперебой стали объяснять, попутно уточняя, кем приходится офицер бабе Варе, знает ли она о его приезде, а в конце уже решили, что Анята проводит, она рядом живет.

По пути доярки расходились по дворам, стучали мерзлыми валенками по доскам крыльца, их незлобно облаивали собаки, так, для порядка, чтоб не думали хозяева о них плохо.

Вскоре офицер и девушка остались одни. Молча идти было неудобно, и офицер стал спрашивать Аняту, тяжело ли работать на ферме, много ли коров в колхозе, сколько их у одной доярки, весело ли живётся молодёжи в деревне. Анята охотно отвечала, и из её слов было понятно, что проблемы села не прошли мимо этой далёкой, засыпанной снегом деревеньки. Анята вскоре избавилась от неудобства вести разговоры с незнакомым мужчиной, да ещё с офицером. Так просто и понятно он спрашивал и говорил, что казалось, она знает его давным-давно, только не было его здесь долго. В конце пути она даже решилась спросить, надолго ли приехал он сюда и почему не поехал куда-нибудь на юг, к морю, ведь туда все едут, там, наверное, так красиво. Не то, что здесь.

– На море сейчас делать нечего, – удивил Аняту офицер своим ответом. – А сколько я здесь буду – зависит от многих обстоятельств.

Анята больше ни о чём не спрашивала, и они, молча, дошли до предпоследней избышки, так щедро засыпанной снегом, что она казалась сказочным теремком.

– Вот тут и живёт баба Варя, – сказала Анята.

Офицер остановился у калитки, поставил на землю небольшой свой чемодан. Поняв его затруднения, девушка вышла вперед, открыла калитку и направилась через двор по очищенной от снега дорожке прямо к сенцам. Сноп света хлынул из раскрытых дверей, и офицер следом за Анютой вошёл в ярко освещённую избу. Теплом жарко натопленной печи пахнуло в лицо. На низенькой скамеечке, прислонившись к белоснежному боку русской печи, сидела старушка с весёлыми треугольничками прищуренных глаз. Маленькая, сухонькая, в белом платочке, в шерстяных белых носках и тёплых, с меховой опушкой тапочках она являла собой образ всех бабушек, вспоминаемых непутёвыми внуками в тяжёлое для них время, когда хочется тепла, уюта и прощения.

– Вот, баба Варя, к тебе гость! – весело сообщила Анюта ничего не подозревающей старушке. – Обогрей его чайком, не то совсем замёрз он в своей шинелке.

Старушка силилась вспомнить, кто же этот бравый молодец, пристально всматривалась в лицо, стремясь найти приметную чёрточку, за которую бы можно было зацепиться памятью, и, не найдя ничего такого, спросила мягким бархатным голосом:

– Не с Покровки ли, Митрия Луценки Васька? Чо-то не признаю.

Анюта, улыбаясь, посматривала то на бабу Варю, то на её гостя.

– Нет, Варвара Спиридоновна, вы меня не знаете. Я товарищ вашего зятя Дмитрия, вместе служили, а вчера я случайно его встретил, и они с вашей дочерью посоветовали пожить у вас немного... если, конечно, вы разрешите.

– А они-то сами не собираются приехать?

– К Новому году, сказали, приедут.

– К ноябрьским, сказывали, приедут, теперя – к Новому году обещаются, так и до Троицы недолго ждать. А дети-то их как? Не болеют?

– Здоровы. Просились к вам со мной, да им не разрешили, до каникул приказано ждать.

– Прости, мил человек, накинулась с расспросами. Родное болит. А ты разболокайся, вот там и гвоздочек, вешай на него одежонку-то. Я щас чаёк поставлю. Ты, Анюта, с нами будешь али как? – обратилась старушка в конце к Анюте, наблюдавшей с интересом за офицером.

– Нет, баба Варя, я домой побегу. Там меня, поди, потеряли, – ответила Анюта, не спуская глаз с офицера.

– А то оставайся, чайку с молодым человеком попьёте, и ему веселей будет, – предложила старушка, приподымаясь со скамеечки.

Анюту смутили слова старушки, и в то же время обрадовало предложение побыть рядом с этим офицером. «Интересно, какое у него звание, – гадала она, разглядывая погоны и петлицы. – Наверное, майор. Две большие звездочки, две полоски. Нет, подполковник. Крылышки на петлицах, значит, лётчик или тот, что прыгает с парашютом, тут всё понятно. Лицо красивое. Только бы не лысый, – притаилась девушка, когда рука офицера потянулась к шапке, и чуть не закричала: «Не лысый! Не лысый!!», увидев тёмные густые волосы, примятые слегка шапкой. Озорно блеснули серые глаза её под чёрными, как смоль, бровями.

– Может, тебе, баба Варя, помочь иль принести чего? – спросила юная красавица.

– Помоги, помоги, милая. А принесть, разве что груздочков. Я в энтот годе прихворнула и осталась без грибочков и без ягодок.

Анюта убежала, баба Варя плотней прикрыла за нею дверь и тихо, как бы боясь, что её может кто-то подслушать, сказала:

– Приглянулся, видать, ты ей. Вся так и светится. Вот уж кому-то счастье достанется. Клад, а не девка. И красивая, и работающая, и умная. У них горе тут получилось: Анфису, мать Анюты, ликтричеством убило. Пьяный Федька Стрелов на тракторе столб завалил, а она шла с фермы и наступила на проволоку. И средненькая с ей была, как ту не убило? Видать, Бог смилостивился. Вот теперь четверо сиротами и растут, а Анюта самая старшая, за всеми и приглядывает заместо матери, а самой в пору с куклами водиться. Школу нонче закончила на

одне пятерки, ей бы учиться на врачиху аль учителку, да куды там. Жалко девку, загинет она тут.

– А отец есть?

Баба Варя махнула рукой с таким видом, что если и есть этот отец, то проку от него всё равно мало.

– Пьёт, варнак, запоем. Инвалидом через то стал, а всё неймётся ему. После похорон Анфиски так совсем сдурел. Я ему и так, и этак, говорю, опомнись, Миколаич, у тебя же детки малые, а он плачет и ничего не говорит. Ему ж два аль три года тому руки отрезали, сразу обедни, пьяный отморозил. Как ноги спасли, ума не приложу. А то б мучайся с им.

Хлопнула калитка, послышались лёгкие, быстрые шаги. Баба Варя ещё тише, приблизившись вплотную к офицеру, зашептала скороговоркой:

– Ты тольки ей об этом не говори и не спрашивай, она стыдится.

Анюта не вошла, а влетела. Она успела переодеться, на ней были шерстяная вязаная кофточка и в косую полоску расклешённая юбка, на плечи наброшено пальто. Светлые волнистые волосы раскинулись по плечам.

– Ты, девка, совсем сдурела! Бить тебя некому! – возмутилась баба Варя. – Поглядите вы на её, люди добрые, в такой мороз и бегать голоушей!

Девушка улыбалась милой улыбкой, ей в радость были эти заботливые упрёки, она прижалась к старушке и поцеловала её в щеку.

– И чо мне с тобой делать, проказница ты этакая? – стараясь придать голосу суровость, развела руками старушка.

Чай пили из блестящего, с полустёртыми медалями на жёлтых, излучающих жар боках, самовара. К чаю Варвара Спиридоновна подала пирожки с черёмухой, голубичное кисленькое варенье, шанежки, предложила гостю «для сугреву» стопочку. Гость не отказался, извинившись, представился – Александр Андреевич Гайдаенко. На дополнительный вопрос бабы Вари, есть ли семья, ответил, что женат, сыну восемь лет. Есть отец, живёт в деревне, в Сибири, живёт один, мать умерла давно уже. У Варвары Спиридоновны вырвалось сожаление по поводу одиночества отца.

– Плохо ему, бедному, поди, – покачала она головой. – Я тож, скоро тридцать годков будет, как схоронила свово, после ранений так и не смог поправиться. Одна четверых поднимала. А мужику одному совсем не вмоготу.

Александр понял невысказанный упрек в его адрес, хотел сказать, что неоднократно звал старика к себе, да тот каждый раз, к великой радости невестки, отказывался, ссылаясь на плохое здоровье, вредность смены климата... Вспомнилось, как в последнюю встречу он сказал сыну: «Здесь похоронены родные, здесь и мне лежать. Да и что я буду там делать среди чужих?»

Баба Варя плеснула и себе на доньшко рюмки «беленькой», а про Анюту сказала, что ей ещё рано даже нюхать, не только пить. Анюта очень смущалась, боясь показаться невоспитанной, с плохими манерами, она старалась делать всё так, как пишут в книгах, и как учила их классная Валентина Владимировна. Но вилка в левой руке не держалась, да и в правой тоже, упругий груздь сопротивлялся, соскальзывал с вилки, крутился в тарелке и, будучи уже наколотым, всё же в последний момент спрыгнул с вилки на юбку девушки, заставив вспыхнуть её лицо густым пионовым цветом. Ах, как ей бедняжке было стыдно.

«Слава Богу, хоть этого он не заметил! – боясь выдохнуть, подумала Анюта, стрельнув взглядом в сторону гостя. Тот ничем себя не выдал, ел с аппетитом хорошо проголодавшегося мужика. – Да и кто он мне такой, чтобы так думать? Побудет тут, побегаёт по лесу, в снегу повалывается, похаёт и... был таков», – старалась успокоить себя Анюта.

Гость похвалил грузди, сказал, что лучших грибов ему не приходилось есть. Хотя и богата Белоруссия грибами да ягодами, но таких, как в Сибири и на Урале, нет, пожалуй, нигде.

Анюте по душе пришёлся офицер, и не только тем, что ел и нахваливал её грибы, это, конечно, тоже сыграло свою роль. Ей всё в нём нравилось и без того: и красивое умное лицо, и статная фигура, и немногословность, рассудительность. Хотелось разве что больше весёлости, да это пока меньше всего ему удавалось. Выдавали его настроение глаза. Они часто замирали на одной точке, и офицер уходил в себя, не замечал ничего вокруг, а потом в одно мгновение освобождался от оцепенения и становился прежним – внимательным и обаятельным собеседником.

Варвара Спиридоновна, эта мудрая старушка с тяжёлой судьбой матери-крестьянки, поняла скоро, что не так просто вот взял, да и прикатил к ней в глухомань этот человек, а что-то оборвалось в нём, что-то тяжёлое притаилось у него на душе.

После ужина Анюта мигом убрала со стола, помыла и разложила по полочкам посуду, принесла беремья смолистых лиственничных дров, заглянула в кадку для воды, схватила ведра и скрылась во тьме ночи, хлопнув калиткой.

– Огонь – не девка! – похвалила её баба Варя. – Глаз да глаз за ей нужен. Вот опять схватила, дурёха, большие ведра и умчалась нагишом. Чо ты будешь с ей делать? Ведь только говорила.

Александр понял слова бабы Вари и, всё же боясь, что она может истолковать его поступок иначе, сказал, что пойдёт и поможет Анюте.

– Иди, иди, милоч, – поощрила его старушка, – помоги паршивице, да прихвати ей вон энту куфайчонку, – показала она на висящую у двери под цветастой занавеской телогрейку.

Когда Александр подошёл к колодцу за баней, Анюта доставала второе ведро воды. Он накинул ей на плечи телогрейку и перехватил ведро, руки их соприкоснулись, и как током поразило обоих.

* * *

Баба Варя постелила Александру в горнице. Долго уснуть он не мог.

«Она ангельски красива, – вертелось в его голове. Луна ярко светила в окно, бледно-голубая полоска её света мирно улеглась на тёмном полу рядом с кроватью. – Бросить бы все к чёрту и остаться в этой глуши! Смотреть бы на эту Луну в зимние морозные вечера, мастерить детишкам салазки, утирать им на морозе носы, укрывать по ночам, как тебя когда-то укрывал отец...»

Анюте тоже не спалось. Сердце пело песни. Мелодично звучали серебряные колокольчики. Губы горели жарким пламенем, и охладить их не было сил. «Милый, любимый, родной, – шептала она, закрыв глаза, – услышь меня! Я буду любить тебя вечно! И никто-никто мне больше не нужен! Ты слышишь? Ты не можешь не слышать!...» Во сне завсхлипывала Любаша, ее тоненький голосок звал маму. Анюта убрала с личика сестрёлки растрёпанные волосёлки, поправила одеяло. Девочка тут же успокоилась, и её ровное дыхание слилось с посапыванием Костика.

«Как же я без них? А с ними кому я нужна?» – чуть не плача, задавала себе вопросы Анюта.

Проснувшись рано утром, Александр не хотел расставаться с блаженством, которое испытывал в тёплой постели. Было радостно на душе от предчувствия чего-то хорошего и чистого. Ещё не понимая до конца, что с ним такое творится, Александр уже знал, что жизнь без Анюты для него лишена всякого смысла, что без неё он сухой ствол без листвы и корней...

«Какое ясное утро, – думал он, глядя в окно. – Какая чистота вокруг. Не снег, а алмазы прямо-таки рассыпаны чьей-то щедрой рукой из необъятной суммы. Снегири в палисаднике в ярко-красных манишках кланяются друг другу, на крыше булькуют голуби, – знать, весна не за горами».

Протарахтел трактор, и опять долгое и светлое затишье.

«Поколю дровишек, уберу снег со двора, – настраивал себя Александр на роль заботливого хозяина. – Забор поправлю, калитку подниму повыше, чтоб землю не скребла».

Тихонько, боясь разбудить бабу Варю, он встал, прошёл за ширму кухни, умылся, долго тер лицо и шею шершавым полотенцем. Не спеша, оделся и вышел во двор. От яркого света крепко зажмурился и не сразу увидел бабу Варю с ведром в руках.

– А я думал, вы спите, – удивился Александр.

– Кто же в таку-то пору спит, милоч? Солнышко вона где, полнеба оббежало, – просто и с ноткой назидания молвила старушка. – Хозяйство хоть и не велико, а глазу да рук требует.

Лицо бабы Вари было помолодевшим, с румянцем на острых скулах.

– Бегут денёчки, – с сожалением и как бы невпопад сказала она. Поправила платок и добавила: – На том свете выспимся.

К Александру, вынырнув из полузасыпанной снегом будки, не спеша, заковылял пёс. В его родословной угадывалась и благородная кровь сеттера, и бесшабашный характер бульдога, и услужливая, со спрятанной глубоко в душе гордостью, натура дворняги. Как старому знакомцу, он лизнул руку, стряхнул на сапоги с разномастной своей шубы колючий иней и скрылся за воротами. Александр выглянул за калитку и увидел, как пёс обнюхивается с таким же, растерявшим свою породу по чужим дворам, псом мрачноватого вида, с ершистыми редкими усами и хитро прищуренным левым глазом.

Александр откидывал снег от порога, очищал дорожки, а сам все поглядывал то на улицу, то на соседний двор с надеждой увидеть Анюту. Вышла баба Варя и ахнула, дивясь чистоте и порядку. Вот только проволока под бельём провисла почти до земли.

– Это мы мигом поправим, – озорно хлопнул Александр в ладоши. Он отвязал один конец проволоки от столба и с силой потянул на себя. Столб болезненно крякнул и повалился на бок, оголив трухлявое основание.

– Ах, ты ж беда какая! – запричитала баба Варя, собирая с земли бельё. – Сгнило всё. Поди, лет семьдесят стоит.

– Не волнуйтесь, Варвара Спиридоновна, – утешал Александр хозяйку. – Сделаем лучше прежнего. Сто лет простоит!

Не раздумывая долго, он отыскал лом и, широко взмахивая, принялся долбить мёрзлую землю. Земля не поддавалась. Искры огня и льда сыпались дождём под мощными ударами, но яма углублялась не так быстро, как хотелось бы. И все же, когда баба Варя вышла на крыльцо, чтобы позвать гостя к столу, проволока звенела, как струна, а гость стоял за воротами, вглядываясь в конец улицы.

Еще издали узнал Александр Анюту по легкой, стремительной походке. Ему хотелось кинуться к ней навстречу, но кто-то невидимый одёрнул его грубо, пригвоздил к холодному столбу. Вот уже видно ее румяное радостное лицо, а Александр никак не может оторвать спины от столба. Ноги как свинцом налиты.

– Какое счастье тебе, баба Варя, иметь такого гостя, – заговорила первой Анюта, поравнявшись с калиткой. Она старалась выглядеть смелой и непосредственной. Однако даже неопытному глазу было видно, как напряжено, как наэлектризовано её тело. – Все дрова переколоты и во дворе порядок. Что значит мужчина в доме!

– Притом хозяйственный и непьющий, – напирая на «о», растягивая слова, шутливо продолжил Александр. – А дровишки порубить – моя давнишняя мечта. Лучше всякой зарядки действует. Так что, Анютушка, давай заявку, и я с величайшей охотой исполню её.

– Да уж ладно, отдыхайте, – остановилась Анюта напротив Александра и повернулась так, чтобы незаметен был её стоптанный валенок. – Я сама как-нибудь справлюсь. Мы, деревенские, всё можем. Только трудно нам быть культурными, хоть и шибко стараемся. Театров

нет, ресторанов нет – где нам учиться культуре? – развела она руками. – Одно кино, и больше ничего.

– Культурный, Анята, не тот, кто правильно держит вилку, хотя и это важно, – сказал Александр, любуясь девушкой.

«Значит, всё-таки видел, как я груздь на юбку уронила, – ещё больше смущаясь, подумала Анята, – а виду не подал. Вот какой хитрый». Вслух же произнесла:

– Вот и сегодня у нас будет кино с каким-то интересным названием. Говорят, хорошее. Детей не пускают.

– Значит, про любовь. Приглашаю тебя, Анята, на последний сеанс, билеты беру на последний ряд. Приглашение принимается?

Анята не поняла шутки, она просто не знала её скрытого смысла.

– У нас всего один сеанс, в восемь часов. И билеты без мест, кто куда хочет, туда и садится.

– Так даже лучше, – заключил Александр и хотел продолжить разговор всё в том же шутовском тоне, но потом одумался и серьезно спросил:

– Анята, если ты не против – я зайду за тобой? – И, заметив нерешительность девушки, предложил встретиться на улице в семь тридцать.

– Лучше я за вами забегу, – отвергла Анята предложение Александра. – На улице такой морозище, нетрудно и уши отморозить.

Они с нетерпением ждали вечера.

Около семи лязгнула калитка, послышались лёгкие шаги в сенях, и Александр замер в ожидании. Впорхнула Анята.

– Здравствуй, бабуленька! – кинулась она к старушке как после долгой разлуки. Обняла и крепко поцеловала её.

– Ой, чо с тобой деется? – покачала та головой. – И одежка на тебе кака-то никудышная. Иль тебе жить надоело, горяшко ты моё? – запричитала баба Варя, пристально вглядываясь в радостное лицо девушки и в её странный наряд. – Ты слышишь меня, горемычная, иль не слышишь? Кто в такой мороз так вырядятся? Ты чо, совсем сдурела? Ты чо ж думаешь, энтот лапоток твой спасёт от морозу? Задрать бы тебе юбочонку да всыпать хорошенько...

Александр глянул на шляпку Аняты и удивился точности сравнения. Лапоток, да и только. Усмехнулся незаметно, и тепло разлилось в его душе. «Милая моя девочка, – подумал он, – как же тебе хочется быть другой, и не знаешь того сама, как хороша ты в своем платочке и пальтишке».

К клубу подходили вчетвером: у дома с новой верандой к ним присоединились, по всей видимости, догадывался Александр, молодожёны. Хитро посматривая на офицера, молодница нашептала что-то Аняте на ухо, отчего та полыхнула румянцем, потом виновато, извиняясь за подругу, поглядела на Александра.

В клубе Анята скрылась в толпе, оставив провожатого у входа. Вернулась с билетами, чем поставила его в неудобное положение. Движения её были порывисты, она не видела никого и в то же время чувствовала на себе сходящиеся, как в фокусе, взгляды односельчан: любопытные, добрые, насмешливые, осуждающие...

Кино было, как по заказу, красивое, музыкальное, радостно было видеть чужое счастье и не думать о своих неурядицах.

Анята сидела так тихо и так внимательно, чуть приоткрыв пухлые губы, рассматривала всё, что происходило на экране, что Александру нестерпимо захотелось взять её руку и нежно погладить. Анята не отняла руки, только пальцы её нервно подрагивали...

Возвращались из кино, оставляя попутчиков, и, наконец, остались одни. Вот уж до дома Аняты совсем немного, и шаг замедляется сам по себе.

Но путь не бесконечен. И вот уж пора прощаться. Они остановились. Было так светло от полной луны и белого снега, что отчетливо просматривались Анютины глаза в пушистых от инея ресницах, выбившиеся на висках завитки волос тоже припушены морозцем. Холодным блеском мерцал ровный ряд зубов. Анюта выжидающе смотрела снизу-вверх на Александра, и ей подумалось, что если не поцелует он вот сейчас, то не быть им вместе.

Александр взял, ставшие вдруг безвольными, руки девушки, бережно поднёс их к губам и нежно поцеловал. Руки дрожали, да и её всю трясло в ознобе, она не знала, что с ней происходит, как ей быть, что делать, она только чувствовала, как какая-то свежая и радостная волна подкатила к груди. Руки Александра коснулись холодных щек девушки, на миг его взгляд встретился с вопросительным, доверчивым взглядом раскрытых в испуге её глаз и больше, кроме сладких поцелуев, они ничего не помнили. Шляпка свалилась в снег, волосы Анюты рассыпались по плечам, она прильнула к груди Александра.

Хлопнула дверь сеней, потом лязгнула калитка.

– Я пойду, – тихо сказала Анюта, глядя в сторону своего дома. – Папа ждёт.

Александр ничего не сказал, только крепче сжал её холодные ладони, задержал их в своих руках и хриплым, чужим голосом произнес фразу, показавшуюся бы дикой ему минуту назад.

– Анюта, я прошу тебя... будь моей... женой, – сказал и удивился простоте слов, выражающих такое сложное событие в жизни человека.

От калитки послышалось:

– Нютка! Пора домой!

– Я пойду... я подумаю, – Анюта высвободила руки. – Я спрошу бабу Варю.

Баба Варя ждала этого, она своим, ей даже неизвестным, чутьём поняла, что это должно было случиться.

– Ой, гляди, милая, сама, – сказала она Анюте, когда та примчалась чуть свет и выпалила ей свою новость. – Ить тебе жить, тебе и выбирать. Он, видать, человек сурьёзный, вон пьёт совсем мало, только чо-то у него на душе. Он тебе не сказывал случаем?

– Нет, бабуленька, ничего не говорил, – испугалась Анюта. – Он только спросил, согласна ли я.

– Чо – согласная? – насторожилась баба Варя.

– Ну, выйти за него...

– А... Ну, а ты чо ему?

– Сказала, что подумаю... посоветуюсь с тобой.

– Право, не знаю, моя ласточка, чо тебе и присоветовать, – прослезилась старушка. – Была бы жива Анфиса, царство ей небесное, как бы она была рада, она бы по-матерински и благословила тебя. А чо я? Я стара, и сужу також.

Александр слышал шепот в прихожей, догадывался, о чём говорили там.

«Что я могу дать ей, – размышлял он, – я, кому за тридцать? Как скажется разница в пятнадцать лет? А если со мной случится что-то? Два года в стреляющем Афганистане ещё неизвестно как пройдут. Разве ей мало теперешних забот, чтобы взвалить ещё и свои на её плечи».

Приглушённые голоса то затихали, то с новой силой перебивали друг друга. Обсуждение такого важного вопроса иначе и не могло проходить.

Стукнула дверь, и вскоре под легкими шагами Анюты захрустел снег. Радостно и светло было у Александра на душе, та же, чуть слышимая музыка звучала нежными серебряными колокольчиками, и жаль было её тревожить.

Грезились картины, одна краше другой, и не было ни одной без Анюты. Она рисовалась в воображении Александра то среди таких же, как она сама, сероглазых, русоголовых милых детишек, то у госпитальной койки, на которой он умирает от ран, как умирал князь Андрей Болконский.

Мечтания оборвала баба Варя. Она вошла в горницу тихо, вкрадчиво. Заметив, что гость её не спит, заговорила с ним издали:

– День-то вона какой на дворе! Прямо ангельский! Хрещенские морозы прошли, теперя и до весны рукой подать...

Александр глубоко вздохнул и ничего не сказал в ответ.

– Не заболел случаем? – остановилась старушка у кровати.

– Здоров, как никогда! – услышала она в ответ бодрые слова. – А вы как себя чувствуете?

– Чо я... Старость – не радость, поскрипим еще малость, да на покой. Вона роца рядом, – кивнула баба Варя в сторону сельского кладбища. Немного помедлив, сообщила:

– Анюта прибежала, вся так и светится, дуреха.

Александр молчал, он ждал прямого вопроса и был готов к этому.

– Боюсь я за неё, – отодвинула в сторону занавеску, на неё текла вода с подтаявшего окна. – Больно уж доверчивая, чистое дитё. Оммануть её, коль кто захочет, так совсем просто. И какой это грех будет на ём! – Старушка сверкнула лучиком глаза в сторону гостя, и дольше обычного задержала взгляд на его лице. – «Вона какой боров гладкий, любую девку захомутает, обкрутит, – подумала она, ничего не поняв по выражению его лица. – Говорят, все эти офицера так и думают, как бы приударить за какой юбкой, да потом кинуть с брюхом». – Я говорю, грех какой будет тому, кто оммануть её задумает, – категорично заявила баба Варя, запугивая «охальника».

Александр решил больше не терзать душу сердобольной старушки.

– Варвара Спиридоновна, – заговорил он, чётко выговаривая каждую букву, – я люблю Анюту и хочу, чтобы она стала моей женой. Если согласится – буду самым счастливым человеком на свете.

– Да согласная она, согласная, в том-то и беда, – махнула старушка рукой и кончиком белого платочка утерла глаза. Вздохнула. – Дай Бог вам счастья! Только раньше, чтоб пожениться, ой, сколько надо было ухаживать! А теперя...

* * *

Гайдаенко приехал в гарнизон ранним утром. Туман окутывал серой пеленой ближний лес, и он казался не лесом, а подножием огромной скалы с растворившейся в сером небе вершиной.

Сырость леденила шею, промочил ноги и брёл, не разбирая дороги, напрямки к пятиэтажному дому, стоящему застенчиво в стороне от других, таких же серых и неприветливых.

В дверях его квартиры торчала записка. Развернув её, при тусклом свете коридорной лампочки прочитал чёткие строчки: «Срочно прибыть к командиру. 12.02.86 г. НШ».

«Может, в батальоне ЧП? – гадал Александр. – А может, с сыном что случилось?»

Не успел скинуть шинель, как в дверь осторожно постучали. Вошла соседка, Валерия Викторовна, жена майора Крушинина, заместителя начальника штаба полка.

– С приездом, Александр Андреевич! – улыбнулась она. – А где потеряли своих?

– Остались у родителей, – ответил Александр и тут же поинтересовался, не знает ли она причины столь срочного вызова. Оказывается, знает.

Редкий случай, когда жена офицера не знает того, что делается на службе мужа. Они знают всё и обо всём, независимо от того, болтлив или молчун муж. А что касается своего полка, так знают больше командира.

– Какое-то письмо на имя командира, и касается оно вас, а еще по приказу министра обороны идут сборы в Афганистан, уходят не по замене, а для пополнения, первый и второй батальоны, полностью укомплектованными, – просветила соседка.

Вопрос с Афганистаном не застал Александра врасплох. Он знал, что пойдёт со своим первым батальоном, знал, что пойдёт и второй, только с командиром его не было до конца решено, командир уже побывал там, получил три ранения и два ордена, с него, пожалуй, хватит. Надо предоставить возможность и другим проявить себя. Кто будет этот другой, Гайдаенко не знал, но предполагал, что это будет наверняка Хатынцев, если не Ланин.

Письмо занимало его меньше всего: тайное скоро станет явным и, маловероятно, что оно такое уж очень важное.

– А еще какие новости, Валерия Викторовна? – просто так, чтобы не молчать, спросил Гайдаенко, выкладывая вещи из чемодана.

– Неделю назад тут похоронили Нечаева...

Гайдаенко прихлопнул чемодан, повернулся к Валерии Викторовне.

– Говорят, во время какой-то важной и сложной операции погиб. А привезли его сюда, потому что жена решила остаться здесь, ей предлагали Гродно, да она отказалась. С двумя детьми намыкаешься среди чужих, а тут работа у неё хорошая, да и все свои, помогут всегда.

Замполита в штабе не оказалось, а майор Крушинин корпел над каким-то очередным донесением «об устранении недостатков», выявленных только что убывшей комиссией из штаба бригады. Крушинин недовольно поднял голову, прижмурившись, долго всматривался уставшими глазами в Гайдаенко, а узнав его, встал и, широко улыбаясь, крепко пожал ему руку.

После обычных вопросов об отпуске, как бы невзначай, заметил:

– Да, Александр Андреевич, сроки убытия нам поменяли.

– Я это предполагал. Кто со вторым идёт?

– Со вторым идет Хатынцев.

– А где Ланин? Его, кажется, планировали.

– Ланин уже зам командира полка.

– Ну, а Чайковский куда делся?

– Ушёл командиром полка в САВО, вместо погибшего полковника Гладкова. Ты его должен знать, он был у нас в бригаде. Вот сколько перемен за какой-то месяц.

– Немало. Когда планируется быть там?

– Пятнадцатого мая. До этого мы должны укомплектоваться до ста процентов, пройти программу спецподготовки. Работы уйма – времени в обрез!

– Мои действия?

– Приступить к подготовке согласно плану.

* * *

На следующий день в роте, где подполковник Гайдаенко с офицерами батальона изучал личные дела прибывших на пополнение солдат и офицеров, раздался телефонный звонок. Командир роты подал трубку.

– Вас, товарищ подполковник. Подполковник Кульгавый.

– Александр Андреевич, – раздалось в потрескивающей трубке, – с приездом тебя! И давай-ка зайди сейчас. Ничего, пусть пока без тебя проверяют, доверять надо подчиненным, двигать молодежь, так сказать, смелее. Она наша смена!

«Достойная», – хотел подсказать Гайдаенко, но сказал: «Хорошо!» – и почувствовал, как что-то мерзкое сжимает ему сердце.

– Садись, разговор будет долгий, – встретил замполит полка, как-то странно, со всех сторон сразу разглядывая Гайдаенко.

– Я вас слушаю, – запахивая душу, сухо произнёс Гайдаенко. Долгая пауза не смутила его, он знал наперёд исход всех бесед и партийных разбирательств – в любом случае будешь виноват: ушёл от жены – развалил семью, ушла жена – не сохранил семью, много взысканий

в подразделении – плохая воспитательная работа командира, мало взысканий – не работают командиры, скрываются нарушения...

– Расскажите, что у вас происходит с женой, – спросил Кульгавый, переходя на официальный тон, хотя в обычной обстановке они, как ровесники и равные по званию, обращались на «ты».

– То, что и должно происходить, когда всё не так, когда порваны узы...

– Узы...узы... – Кульгавый резко повернулся к Гайдаенке. – Ваши узы – наши обузы! Я должен, наконец, обязан заниматься чёрт знает, чем, хотя у меня и без этого вон, сколько дел, – показал он рукой поверх головы, – и, поверь мне, более важных, чем копать в чужом белье...

– Ну, так и занимайтесь делами, – вспылил и Гайдаенко, – а мы как-нибудь сами разберёмся, без вашей помощи!

– В таком случае сделайте так, чтобы не шли сюда письма с просьбой: разобраться, повлиять, наказать и так далее... – развёл руками Кульгавый.

– Я не писал.

– На тебя написали, – сорвался с официальности Кульгавый, – а я должен разобраться с тобой, и дать незамедлительный ответ. Иначе, как сказано в письме, будет сообщено выше о нашей круговой поруке, бездеятельности и неспособности управлять войсками. Во как!

– Пишите, что я виноват. Ведь что бы я ни сказал, все равно буду виновен, – пожал плечами Гайдаенко.

– Ну, хорошо! Тогда почитай сам, что о тебе пишут твои родственники. Может, это придаст тебе сил и желания осветить вопрос со всех сторон. Конечно же, объективно. И, возможно, оправдаться.

– Объективно не могу, субъективно попробую, и беспристрастный судья, надеюсь, меня оправдает.

– Чтобы предметней был разговор, всё же прочитай письмо. От тещи. Надо полагать, недавно любимой? Не забывают они своих зятков и в хорошее, и в трудное для Родины время, – чуть заметно улыбнулся замполит, протягивая письмо Александру.

– Письмо написано не мне, – посмотрел тот на конверт. Он узнал круглые буквы тёщиной руки.

– Но о тебе. Читай, не стесняйся. По каждому пункту обвинения будем давать с тобой «исчерпывающие объяснения». Называется это – работа с письмами. Вот как!

Гайдаенко взял с явной неохотой письмо и с безразличной миной стал читать. Чего там только не было! В конце просьба к командованию и партийным органам принять меры и сурово покарать подполковника Гайдаенко, потерявшего «всякий облик советского офицера и человека». Если же его не призовут к порядку, то она, теща, найдёт управу и на них, она знает, куда обратиться!

– Ну, что скажешь? Лихо, а? – цокнул языком Кульгавый, подзадоривая Александра.

– Лихо, – вздохнул тот. – Странная психология у тещ: плохой зять – накажите его, чем строже, тем лучше. Куда подевались всепрощающие женщины России? Зачем тут думать и взвешивать, почему так получилось? Взять и наказать!

– И что же такое у вас получилось?

– Остро проявилась психологическая несовместимость. А тут ещё всемогущая теща.

– Тещу пока не трогать. Она – второстепенный член вашей семьи...

– Вот так и напишите ей, потом узнаете, кто какой член.

– Всё зависит от вас самих. Конечно, можно принять позу обиженного и оскорблённого, но можно быть и выше этого, не замечать мелочей, ну, и не забывать о прощении. Ты, кстати, хорошо об этом сказал. Хотя бы ради сына. Знаешь, что такое безотцовщина? Не знаешь. А я знаю, и врагу заклятому не пожелаю. Верись, был мальцом, и так порой хотелось, чтоб отец

или похвалил, или выпорол, а за что – я бы нашел. Но... А что мать? Мальчишке нужна крепкая отцовская рука, поддержка нужна!

Кульгавый умолк, крепко потёр побледневшие скулы, уставился в выходящее на улицу окно.

– Ладно, – произнёс он глухим голосом, – отвлеклись мы. Так в чём же ваши разногласия, и что вы намерены делать?

– Разногласия по многим вопросам, и делать пока я ничего не буду. Тем более, что мне предстоит Афганистан.

– Понятно. Коварная душманская пуля поставит точку в этой запутанной и романтической истории, – съязвил Кульгавый.

– Возможно и это, – не стал противоречить Александр, – но я имел в виду другое. Время рассудит нас и внесёт свои коррективы. А в письме теще сообщите, что для исправления отправили штрафником на передовую. Это её успокоит. На время.

* * *

Тринадцатого мая два батальона прибыли на станцию Ташкент. Бросилась в глаза особенность восточного колорита: обилие солнца, тепла, зелени, фруктов, стёганных халатов, расшитых тюбетеек.

– Смотрите, – выкрикнул кто-то из строя, – написано: «Тошкент», через «о». Ошибка, что ли?

– Ошибка, что мы здесь, – ответил кто-то, явно рассчитывая на весёлую реакцию, но смеха не последовало.

Через три часа были на аэродроме Тузель.

Подполковник Гайдаенко и майор Хатынцев пошли к коменданту для уточнения места и времени посадки личного состава в самолёты. Коменданта на месте не оказалось. Офицерам сказали, что он на дальней стоянке. Уточнили, где эта дальняя стоянка, и направились по солнцепёку, по пыльному полю на другой конец аэродрома.

Прошли мимо транспортного самолёта со звездой и номером 63 на его зелёном крокодилем боку, из его чрева люди в масках и серых халатах выгружали длинные деревянные ящики. На ящиках были написаны и перечёркнуты фамилии, кроме одной, свеженакрашенной.

– Сизов, Федоровский, Романюк, Курило, – прочитал Хатынцев только на одном ящике. – Эти уже отвоёвались. Интересно, есть ли очередь на эту возвратную тару? Герои, наверное, без очереди, как и награждённые тремя орденами «За службу Родине», а от полковника и выше транспортируют в персональных ящиках, с декоративными гвоздями и медными ручками по бокам. Курило же и здесь в «общем» проехался. Курило, Курило. Курило откурило и проблемы все решило...

– Ты что кощунствуешь, поэт? – неодобрительно посмотрел Гайдаенко на товарища.

– Нет, я не кощунствую. Я плачу. Я плачу сухими слезами России, – мрачно покачал головой Хатынцев. – Мы отлично уяснили, что один в поле – не воин, и нам невдомек, что этот один – чей-то сын, брат, отец, муж, что вообще он единственный...

– Не хотелось бы такой судьбы, – примирительно сказал Гайдаенко, озадаченный небывалой ранее, как ему казалось, рассудительностью Хатынцева. «Вопросы жизни и смерти всегда настраивают на философский лад, потому что это вечно», – подумал он, а вслух сказал:

– Никто не знает своей судьбы.

– Почему? – ошетинился Хатынцев. – Есть, которые знают. И им уготован иной путь, параллельный нашему, но гладкий, без рвов и ухабов, и с этого пути они не свернут, и в такой ящик не сыграют. Да что там! – махнул он рукой и умолк.

Побрели к следующему самолёту, у которого тоже копошились люди. Ящики не выходили из головы Гайдаенко, и небрежные надписи на них усиливали тягостное впечатление.

– Александр Андреевич, – разорвал молчание Хатынцев, – я хочу спросить тебя и всегда что-то мешает. Ты только пойми меня правильно.

– Постараюсь понять правильно, – спокойным голосом отозвался Гайдаенко. – Спрашивай, коль нужда в том есть. Ну, что умолк?

– В городке говорят, что вы развелись с женой. Так ли это? Или это очередная сплетня?

– Да, это так. Только зачем тебе это?

– Есть причина, – полез за сигаретой Хатынцев, руки его дрожали. – На мой взгляд, лучшей семьи в городке не было... и вот такое. Со своей Галкой мы скубёмся каждую минуту, как оказываемся вместе, а живём. Так вот я думаю, может, для неё сейчас самый момент обвести меня вокруг пальца, подарить хор-рошие, ветвистые такие рога. Такое из нашей братии не один испытал. Любви от неё я не дождусь, пожалуй, а чего другого – это сколь угодно.

Александр у стало жаль товарища.

– Олег, есть хорошая поговорка, мудрая, я бы сказал, – вознёс он палец. – От сумы, от тюрьмы, от неверной жены – не зарекайся. Будь всегда готов к этому, и тогда не придётся тебе, если, не дай Бог, что-нибудь такое и случится, бежать с верёвкой на чердак.

– Так-то оно так, да не хотелось бы пополнять отряд бешено размножающихся, и давно вычеркнутых из «Красной книги» пятипалых роконосцев.

– Не переживай, все будет хорошо! Если захочешь – персиянку отобьём у супостата, – хлопнул Гайдаенко сильной рукой по худой, костлявой спине товарища, и этим самым поставил точку на теме. – Интересно, где этот комендант запропастился? Не расплавился же он под этим солнцем, может, в арыке где прохлаждается? Ты заметил, сколько их тут?

– Кого? Комендантов? – рассеянно переспросил Хатынцев.

Подошли к самолёту, это был старый трудяга семейства Илов. Из него выгружали раненых. Их выносили на носилках с капельницами, вели под руки, некоторые самостоятельно брели к санитарным машинам. Были безразличные к окружающим лица, были ищущие глаза, их обладателям казалось, что они обязательно встретят кого-то из родных или знакомых в этом далёком краю.

Гайдаенко смотрел на исковерканных войной людей, они видели смерть, им долго еще будут сниться кошмарные сны, долго будут они вздрагивать во сне и наяву при любом безобидном звуке упавшего предмета.

Пройдут годы, и постепенно, из молодых героев перейдут они в разряд старых, безногих, безруких инвалидов, бывшие заслуги их будут ставить под сомнение. За ними останутся прозвища: «Иван-СтукНога», «Пашка-Культя», «Одноглазый», «Безбородый», «Ушибленный», привыкнут к прозвищам и бывшие солдаты...

«Нет, – думал Гайдаенко, глядя на раненых, – лица у них не те, что встречаются на обложках журналов, и рассказать эти парни могут такое, что не каждый корреспондент рискнёт написать».

Один из раненых подошел к ним, левая рука на перевязи, на одном погоне четыре звёздочки, на другом три. Он попросил закурить. Хатынцев подал ему пачку сигарет, дал огоньку.

– «БТ», – втягивая с наслаждением дым, проговорил капитан, – давно не курил таких!

– Где это тебя? – кивнул Хатынцев на руку капитана.

– На перевале. Хорошая драчка получилась. Их около сотни полегло, да и у меня от роты мало что осталось.

– Близкой победы не видать?

– Далекой тоже.

Помолчали, думая каждый о своём.

– Вы – туда? – спросил капитан.

– Туда. Куда ещё, – обыденно ответил Хатынцев, в его голосе сквозила обречённость. Капитана позвали.

– Желая вам возвратиться живыми и невредимыми, и... малых потерь, – пожелал он и приложил руку к козырьку выгоревшей фуражки. Офицеры в ответ пожали ему руку. Рука капитана была сухой и горячей.

– Легко отделался, – кивнул Хатынцев вслед уходящему капитану. Гайдаенко на это не отозвался, а про себя подумал: «Нелёгкая судьба нам уготована, дай Бог, чтоб ещё и позорной не была».

В поисках затерявшегося коменданта аэропорта, подошли к загружающимся военными самолётам. В брюшину самолётов по трапам, двумя колоннами, согнувшись под тяжестью снаряжения, втекали десантники. За погрузкой наблюдали невысокий подполковник-десантник и майор ВВС. Командиры взводов и рот изредка подавали команды. Угадывая в майоре коменданта аэропорта, офицеры направились к нему. Подошли, поприветствовали офицеров.

– Комендант аэропорта Данилин, – представился майор.

– Командир полка подполковник Волконский, – с достоинством назвал себя десантник.

«Знатная фамилия, соответствует бравому офицеру», – отметил Гайдаенко.

«Голубая кровь, – подумал и Хатынцев, разглядывая в упор десантника. – Посмотрим, как ты себя ТАМ покажешь, гуссар!»

– Вашей группе посадка в 14.20 с этой же площадки, – сказал комендант, обращаясь к Гайдаенко. – Вон, на те самолёты, – показал он на самолёты гражданской авиации.

В четырнадцать часов батальоны были у самолётов. О посадке не могло быть и речи: самолёты были закрыты и опечатаны. Солнце пекло нещадно. Солдаты искали что-нибудь, что хоть частично могло защитить их от кинжальных лучей.

Экипажи появились в 14.30, и были совершенно не похожи на тех напыщенных и холёных лётчиков, важно шествующих мимо издерганной толпы пассажиров. Они были какие-то потные и взъерошенные.

«Так бы вас почаще погонять, – зло пожелал Хатынцев лётчикам, – тогда бы и вы навели порядок в своей «комфортабельной» авиации, не мучили бы, не гоняли людей от стойки к стойке».

Таможенные процедуры были формальны: таможенники знали, кого и когда потрошить.

Погрузка шла заведённым порядком. Глядя на унылые, сосредоточенные лица, без труда можно было догадаться, какие мысли несли в себе солдаты, какие заботы одолевали их.

Вот прошел рядовой Ивашов, единственный сын у родителей-интеллигентов, вылитый сказочный Василек. Вид такой, что вот сейчас брызнут хрустальные слёзы из ясных голубых его глаз и покатаются по пыльному трапу крупными шариками. Трудно ему было в мирных солдатских буднях, теперь и подавно.

За Ивашовым следует командир второго отделения первой роты сержант Крутов, из рабочих, отец двойняшек. Родились месяц назад, и много труда пришлось приложить Гайдаенко, чтобы выбить краткосрочный отпуск молодому папаше. Повидал тот сыновей, и о них теперь его думы: если что, кто заменит им отца, будет ли тот, другой, для них опорой и примером, или...

Ефрейтор Цыганок. Детдомовец. Не стыдится своего «высокого» звания. Фамилию получил в награду за огромные чернящие глаза, смоляные кудри и неукротимый нрав. Этот в огне не сгорит, в воде не утонет. Всюду свой.

Рядовой Рогачев. Из строителей. Успел дважды на «губу» за «употребление». Не боится работы, ни грязной, ни тяжелой, даже стремится к ней, тогда-то и преображается его простецкое лицо.

Рядовой Ярошенко. Сын высокопоставленной особы из Киева, но своё происхождение не афиширует. Красив. Очки в золотой оправе.

Рядовой Папшев. Из Новосибирска. Нос картошкой, губы, как вареники, мятая панاما на затылке, вещмешок на спине сидит криво, и весь солдат какой-то кривой. И действия его часто непредсказуемы.

Рядовой Фомичев. Тамбовчанин. Худосочен. Старателен. Стыдлив. Хочет казаться компанейским, не получается.

Вступило на трап третье отделение второй роты. Четко прошли солдаты отделения и без суеты заняли свои места. Командир отделения сержант Федоров жестким взглядом прошелся по рядам, занятым его отделением, на его лице не отразилось, доволен он остался своими подчиненными или нет, сел на сиденье у прохода, аккуратно сложив у ног оружие и снаряжение. Федоров за короткое время из разболтанного отделения сделал отличное, что очень удивило всех командиров, некоторые из них даже предполагали, что дисциплина и порядок в этом отделении держатся на силе кулака. Ошиблись. Секрет успеха прост: Федоров сам пунктуально исполнял свои обязанности, предписанные Уставами, и был в этом примером. Глядя на него, тянулись подчиненные – им тоже хотелось быть сильными, выносливыми, храбрыми.

В этом отделении все были равны, точнее, спрос с каждого был одинаков, хорошо подготовленный солдат подтягивал слабого, потому что каждому было понятно, что в бою плохо подготовленный солдат хуже врага.

Погрузка закончена. Закрыты двери и люки, короткий инструктаж лётчика по действиям в особых случаях полета. Засвистели двигатели, короткий разбег, стук убравшихся шасси...

Оторвались от Матушки-Земли, с которой была связана вся твоя и праведная, и грешная жизнь. Простите своих сыновей, отцы, простите, братья и сёстры, простите, друзья, их, убывающих в неизвестность, простите за обиды, которые вольно или невольно они вам нанесли. И помните о них. Им нужно ваше прощение, ваша память, они идут туда, откуда не всем суждено вернуться.

Летели долго, и всем, кроме экипажа, хотелось, чтобы путь этот был бесконечен. Под крылом неменяющийся пейзаж – горы. Горы черные, горы кроваво-красные, горы серо-голубые, горы белые, горы, горы, горы... Изредка где-нибудь покажутся квадратики малых селений, и опять на сотни верст безмолвные, неживые горы...

* * *

Крутое снижение. Прижимает к спинкам сидений, немилосердно давит на перепонки. Солдаты затыкают уши, разевают рты, судорожно глотают воздух. Кажется, не будет конца этому испытанию. Но вот удар о землю, потом ещё один, помягче, взревели двигатели, и самолёт, резко тормозя, приостановил свой бег. Мелькнула красная палатка на краю аэродрома, у палатки машины с красными крестами, люди в белых халатах.

Выгружались в темпе: самолёты должны были уйти без задержки обратно и увезти тех, для кого Афганистан уходил в прошлое.

К Гайдаенко подошёл майор.

– Подполковник Гайдаенко? – спросил он и, услышав подтверждение, представился: – Майор Трубецкой. Зам начальника штаба полка. Колонна автомобилей ждёт вас.

Гайдаенко улыбнулся.

– Везёт нам сегодня на князей, – сказал он. – Париж, прямо-таки, а не Афган.

– Больше смахивает на Забайкальские рудники, – повёл взглядом Хатынцев. Трубецкой, по его выражению было заметно, ничего не понимал из реплик офицеров.

– Далёкий путь? – спросил Гайдаенко, вмиг погасив улыбку.

– Сто километров. Три часа, если все хорошо.

– Не мешало бы поужинать, – подсказал Хатынцев. – Обед пропустили, желудки возмущаются.

– Только паек, если он у вас есть. Двадцать минут, думаю, будет достаточно. В горах темнеет быстро, надо спешить, – предупредил майор.

Трубецкой, перед посадкой в машины, провёл с командирами рот короткий инструктаж, предупредил, что в пути возможна встреча с «духами», и поэтому надо быть готовыми к бою.

– При обстреле всем покидать машины и залегать за любое укрытие, лучше за скалу, камень, их тут хватает, – наставлял Трубецкой. – Осмотревшись, вести прицельный огонь, но не перестрелять с перепугу своих. Командирам не забывать командовать своими подразделениями, а подчиненным, как бы страшно ни было, без промедления выполнять приказы...

Всем стало понятно, что спокойное время для них закончилось.

Впереди, посредине и в конце колонны следовали БМП охранения. Энергичные, загорелые, не без рисовки перед молодняком, ребята с БМП были подчеркнута бесстрашны и вселяли в души молодых солдат уверенность и надежду.

Как только выехали за город, дорога сразу же запетляла среди скал. Желтая пыль клубилась и оседала на лицах, одежде, оружии, щекотала ноздри. Проехали минут сорок, и чувство боязни, быть подстреленным, постепенно улетучивалось. Первая непредвиденная остановка: перегрелся двигатель «Урала». Средний БМП взял его на буксир. Вторая остановка ещё через час: упало давление масла в двигателе у другого «Урала».

Потемнело как-то внезапно, как и предупреждал Трубецкой. Из ущелья потянуло сырым холодком. Ровно гудели моторы, их рокот усыплял уставших солдат. Укрывшись шинелями, привалившись один к другому, они дремали. Дорога петляла, опускалась, поднималась, лезла под скалу, жалась к каменистой стене, рвалась к обрыву, снова ползла ввысь... На такой дороге трудно уснуть за рулём, но если уж такое случится, то...

Три взрыва один за другим всколыхнули громады гор. Оцепенение охватило всех: и командиров, и подчиненных.

– Ложись! – заорал Гайдаенко, выбросившись из кабины на каменистую обочину. Рядом стучали сапоги, шуршала галька, тяжело дышали люди. Горела машина, в её свете мелькали тени. Рядом ещё рвануло, посыпались сверху камни, один больно ударил меж лопаток, подумалось: хорошо, что не в голову. Кто-то взвыл от боли, кто-то взывал о помощи, и первой попыткой Гайдаенко было, кинуться туда, разобраться, в чём дело, распорядиться об оказании помощи пострадавшим.

Застрочили пулеметы с БМП. Строчки пуль понеслись к вершинам гор, щедро освещаемых с этих же боевых машин. Новички лежали без движения, паралич надежно сковал их невидимыми цепями. Лежал и Гайдаенко, не зная, что предпринять в этой ситуации.

– Командиры рот! – закричал он, опомнившись, каким-то чужим, хриплым голосом. – Рассредоточить роты вдоль дороги! Пулеметы – на фланги!

Подбежал майор Трубецкой, упал рядом.

– Одной ротой прочесать склон! – распорядился он.

Рота пробиралась сквозь камни к вершине, изредка постреливая, поднятые цепи не встречали никакого сопротивления. Сверкнул ещё один огонек на вершине горы, и через мгновение, уже за спиной, у дороги, раздался взрыв, гулко покотившись по чёрным горам, он не скоро потерялся. Рядом с Гайдаенко бежали, спотыкаясь, осыпая камни, солдаты его батальона, подвластные его командирской воле, судьба их зависела не только от случая, но и от того, насколько разумны и своевременны распоряжения их командира.

Вершины достигли не сразу, не в один порыв, хотя она была совсем рядом.

– Здесь миномет! – крикнул кто-то. На площадке, с которой хорошо просматривалась дорога, и отлично была видна догорающая машина, валялся миномет.

– Почерк одиночек и малых групп, – сказал подошедший Трубецкой. – Надо пошарить в округе, не исключено, что они где-то рядом.

Кто-то попытался закурить, Трубецкой тут же выбил из рук сигарету.

– Не советую, – спокойно сказал он.

Со склона соседней горы посыпались камни.

– А ну, ударь на шорох! – приказал Трубецкой пулеметчику и запустил в ту сторону ракету. Осветились тёмные громады скал и чахлые клочки кустарника. Широкой торной дорогой выглядели белесые осыпи.

– Вон туда ударь! – показал он замешкавшемуся пулемётчику на тёмные, кочкообразные силуэты. Раздалась очередь, звучно отдалась в ушах, загуляло эхо по горам. Все смотрели, не отрываясь, куда показал офицер, и все заметили, как одна из кочек оторвалась от горы и покатила вниз, три других тенью метнулись в стороны. Кто-то пустил ещё одну ракету.

– Чего вы стоите? – заорал Трубецкой. – Это же «духи»!

Недружно застрочили автоматы и пулеметы, заныли, запели пули.

– Командир! – повернулся Трубецкой к Гайдаенко, – дайте команду одному отделению слева, другому справа в обход той горы, а мы прочешем отсюда. Возможно, перехватим.

Перехватить не удалось. «Духи» скрылись, как сквозь горы провалились.

Шедший третьим слева в цепи рядовой Ярошенко вскрикнул, наступив на что-то мягкое. Отскочив в сторону, он направил ствол автомата на это «что-то» и не знал, как ему быть: стрелять, звать своих, убежать?

– Никон! – наконец крикнул он рядовому Никонову, шедшему справа от него, и не услышал своего голоса. Все медленно удалялись от солдата, оставляя его наедине с жуткой находкой. – Никонов! – заорал тогда Ярошенко во всё горло.

– Чего орёшь? – остановился Никонов.

– Тут кто-то лежит, – опять перешёл на шёпот Ярошенко.

– Говори толком, чего там мямлишь? Очки, что ль, потерял?

– Тут кто-то лежит, – показал пальцем Ярошенко на силуэт на белой осыпи.

– Ну, так подними его, – посоветовал Никонов.

– Давай вместе, – предложил Ярошенко. – Вдруг он живой.

– Ну, так пристрели.

– Ты что? Это же... это же человек! – приходил в себя Ярошенко. – Позови Крутова, а я тут постерегу.

С нескрываемым любопытством рассматривали солдаты и офицеры убитого. Это их первый убитый, это их первая жертва. Убитый лежал лицом вниз, неестественно подвернув босую ногу, на другой ноге был надет какой-то черевик, тонкие смуглые руки были раскинуты в стороны, у головы лежала круглая, с ободочком, мягкая шапочка. Всем хотелось посмотреть на лицо, но никто не решался перевернуть мертвеца.

– Обыскать! – приказал Трубецкой. – Документы, бумажки – мне! Всё – мне!

Документов и бумаг не оказалось, в задержавшемся луче фонарика белело молодое безусое лицо афганца.

– У нас в техникуме учились афганцы, – сказал Цыганок. – Мне кажется, я видел его.

– Мы за них, а они против нас.

– Не шейх, если судить по обуви, а туда же...

– Попробуй, пойми их тут... Восток – дело тонкое.

Трубецкого спросили, что дальше делать с трупом. Майор ответил, что если его не терзают до утра шакалы, то подберут и похоронят свои.

У машин, издерганная страхом и неизвестностью, ждала охрана из двух рот. На обочине дороги в ряд лежали убитые, их было ни много, ни мало – семь человек.

– Точно стреляют, сволочи – сказал Хатынцев, глянув на убитых. – Один к семи. Если и дальше так будет, то...

Гайдаенко с Трубецким, проверяя колонну, подошли к машине, в свете фар которой копошился фельдшер, сиюсь облегчить страдания раненым. Это ему удавалось с трудом.

Громко, с выкриками, стонал Папшев.

– Что у него? – спросил Гайдаенко у фельдшера.

– Пустяки, – отмахнулся фельдшер, делая укол потерявшему сознание прапорщику Гаталину. – Осколок попал в ягодицу.

Не обращая внимания на офицеров, Папшев раскачивался, как китайский болванчик, и всхлипывал протяжно и нудно.

– Прекратите распускать слюни! – громко сказал Гайдаенко солдату. Тот на мгновение, как бы прислушиваясь к чему-то отдаленному, умолк, а потом с новой силой принялся за своё. – Сержант Крутов! – возмутился Гайдаенко. – Примите меры! Он что умирает?

– Ну, ты! Заткнешься или тебе помочь? – зло прошипел сержант, склонившись к самому лицу солдата. Это подействовало.

Через час колонна продолжила путь. Уложив погибших на дно кузова на плащ-накидки, накрыли их большим брезентом. Молча сидели бойцы, покачиваясь на ухабах и изредка поглядывая на трупы. Трупы были похожи на спящих солдат. На больших ухабах, когда машину подбрасывало, трупы отрывались от пола, и тогда казалось, что они охают от боли, на крутых поворотах они поворачивались на бок – чтоб дать немного отдохнуть сомлевшей спине.

Только с рассветом добрались до гарнизона. Уже на въезде набежавший ветерок отвернул край брезента, и Ярошенко увидел, как один из лежавших покойников как-то хитро ему подморгнул и улыбнулся, вроде он доволен, что это случилось с ним сейчас, и он не завидует им, живым.

Как только солнце поднялось выше гор, прохлада сразу же сменилась зноем. Пыль, мелкая и въедливая, была повсюду: на сгоревшей траве, на пятнистых крышах лачуг, запах пыли преследовал везде. Першило в горле, пересыхало и неприятно покалывало в носу.

Гайдаенко и Хатынцев доложили о прибытии командиру полка, оказавшемуся, к большому удивлению Гайдаенко, его однокашником Евгением Залевским, Женькой, по тем давним курсантским временам. Залевский очень огорчился по поводу таких больших потерь и сказал, что этого можно бы и нужно было избежать, для этого и был послан Трубецкой.

– С него и спросим! – заключил он и дал три часа на устройство.

После командира полка они зашли в строевой отдел, чтобы решить организационные вопросы, и главный из них – отправку погибших.

– Солдат отправляем по месту призыва, – пояснил старший прапорщик, слегка развязный малый из строевого. – А с прапорщиком – решайте сами. Отправляют и по месту последней службы, если там осталась семья, отправляют и на родину. Когда как. У нас для этой цели заведен журнал, и там есть такая графа. – Старший прапорщик достал из шкафа журнал и подал его Гайдаенко.

Графы журнала в общем-то ничем особым не выделялись: должность, звание, ФИО, год рождения, адрес родителей, жены и... место погребения в случае гибели.

Старший прапорщик заметил замешательство офицеров.

– В этом пункте есть необходимость, – сказал он, глядя немигающими выпуклыми глазами на офицеров. – Она возникла после того, как долгое время возили по стране капитана Саламаху. Родителей нет, детдомовец, а жена обчистила квартиру и умчалась с хахалем на юга.

– Ну, и где же его похоронили? – спросил Хатынцев, бледнея на глазах.

– По месту призыва направили. Военкомат похоронил. Вот тогда командир и ввел эту графу.

– И что выбор неограниченный? – спросил Хатынцев, потирая жесткий небритый подбородок.

– Практически, так. Ведь, здесь не требуется прописка и жилплощадь, – принял за шутку слова Хатынцева старший прапорщик.

– И что – в Москве можно?

– Кроме Кремлевской стены. Там большая очередь, а стена каменная, не резиновая.

Пока шёл этот, ничего не значащий, разговор, Гайдаенко усиленно думал, что же ему записать в эту дикую графу. Записать не штука, ну а если всё же... Почему-то первой мыслью было записать село Елово. Там его любимая Аня. Ничего подарочек ей будет! Гарнизон? Чисто, ухожено, солдаты регулярно наводят там марафет, для всех свои уголки отведены, участки по сословиям нарезаны: для городской элиты – бугорок с видом, деревца на солнышке тихо листвою шелестят, просторно, не теснятся кресты и уродливые памятники; для военных – чуть пониже, потеснее, словно и там нужно чувство локтя. Нет, не подходит. Одному лежать среди чужих! Остается родная и холодная Сибирь. Далековато, правда, да и спешить тогда незачем. Довезут. Похоронят тепло, с искренними слезами, начальство района выразит соболезнование отцу, скажут, чтобы не стеснялся, обращался по всем вопросам к ним, – всегда помогут. Отряд пионеров школы, где учился... Отец, даст Бог, вынесет, не впервой ему стелкаться с горем.

* * *

Прошло четыре месяца. Пообтёрлись, узнали, кто на что способен. Были и потери, как в любой войне. Каждая смерть, каждая рана на теле солдата оставляла рубец на сердце командира. У Гайдаенко скоро засеребрилась седина на потускневших волосах, а на загоревшей до черноты коже прописались тонкие риски морщин.

Стоял сентябрь. Он был таким же жарким и пыльным, как и август, и июль. Стороны готовились к предзимней схватке, накапливали силы и средства, устраивали засады у дорог и троп на перевалах.

Гайдаенко лежал, втиснувшись между двух камней, рядом примостился сержант Фёдоров. Потрескивала радиостанция. На голубом небе ни облачка. Чего не приходит в голову, когда сжат ты в пространстве и ограничен в действиях, а мозг твой свободен. Думай, о чём хочешь, нет помех твоим мыслям. Вот и думалось о том, о сём, и о смерти тоже. Она уже не казалась такой страшной, как поначалу. И всё же не хотелось об этом думать. Чтобы отвлечься от невеселых дум, Александр принялся сочинять стихи. Держа соломинку в зубах, он мурлыкал:

*Пройдут года, как страшный сон,
В свою Сибирь вернусь,
Схожу к могилам на поклон,
И низко, низко поклонюсь.
Прости, отец, ты мудрым был,
И ты меня поймешь,
Нельзя всю жизнь, как жизнь кобыл,
Измерить на овес и грош...*

– Товарищ подполковник, – перебил поэтические мысли сержант. – Разрешите вопрос?

– Давай, дуй, – оторвал взгляд Гайдаенко от зарывающейся в песок букашки, а сам подумал: «Зачем ей крылья, если она в землю стремится?»

– Я слышал, вы из Сибири? – Фёдоров отодвинул в сторону бинокль.

– Как в воду глядел. Из-под Иркутска. А что?

Букашка выползла назад из норки, смешно переваливаясь на тонких ножках, засеменила к следующей норке. Она осмысленно искала спасения.

– Я тоже из-под Иркутска. Залари. Знаете такое? – приподнялся на локте Фёдоров, лицо его оживилось.

– Знаю такое. Проезжаю всякий раз. Значит, мы с тобой земляки, да ещё сибиряки, да из одной области! Это здорово! Ну, и что пишут наши чалдоны? Как они там?

– Живут. Интересуются, как мы тут, когда закончится война. Только, товарищ подполковник, вы разве чалдон? Я думал... С такой фамилией...

– Правильно думал. Мои предки из хохлов. Столыпин побеспокоился, повелел – и поехали украинцы, белорусы, русские обживать новые земли Сибири, Востока, Киргизии... Эксперимент проводили: выживут или не выживут люди в новых условиях. Выжили и даже расплодились.

– А я коренной сибиряк, – с гордостью заявил Федоров.

– Коренные сибиряки тех мест – это буряты. Имеются в виду те места, где мы с тобой родились, – уточнил Гайдаенко, прикладываясь к биноклю.

– Отец собирается отметить своё семидесятилетие, всех приглашает. Только меня не будет.

– Столетие отметишь, не горюй, – пошутил Гайдаенко. – Он у тебя, по-моему, молодец, если сумел родить в пятьдесят?

– Он мне не родной.

– Прости. Не знал.

– Ничего. А где ваша семья теперь?

– Где семья, где семья, – произнес, почти не разжимая губ Гайдаенко. Совсем уж было все улеглось, успокоилось, и обиды показались какими-то мелочными, как и вся прошлая жизнь. Эти четыре месяца всё перевернули вверх тормашками. Много стало понятным, резко прошла граница между главным и второстепенным. Много, что раньше казалось важным, сейчас просто не заслуживает малейшего внимания. Ну, вот, например, отношение к наградам. Раньше жгла обида, если обходили стороной в юбилейные даты, а теперь, как никогда, правильно понимаются строки из стихов славного гусара Дениса Давыдова, он писал:

*«Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И георгья за совет».*

Кстати, ходят слухи, что можно купить орден, и берут совсем недорого.

– Слушай, – отвлекаясь от этих мыслей, спросил Гайдаенко, – можно так написать? Правильной будет строка: *«пройдут года, как страшный сон?»* Ты же ведь в университете учился, и должен хорошо это знать.

– Если строго, то не совсем правильно. Правильно – *годы*.

– Я тоже так подумал. Но тогда не будет звучать, теряется рифма. Сам посудите: *«Пройдут годы, как страшный сон»*, абракадабра какая-то. Пусть будет лучше неправильно. Кстати, в классике есть, как у меня: *«Нам года – не беда»*. Видишь, года, а не годы.

– Но есть слова в другом, не менее классическом кино: *«А годы летят, наши годы, как птицы»*, – возразил Фёдоров.

– Да, – согласился Гайдаенко, – поистине велик русский язык, всякий безграмотный может претендовать на новаторство, и всегда будет прав.

– А вы что, стихи пишете? – хитро прищурился Фёдоров.

– Ты думаешь, это привилегия только тех, кто шёлковый платок на шее вяжет? Нет, браток, ошибаешься! Литературу делают солдаты, и её не высосать из пальца. Я имею в виду настоящую литературу, а не литературщину. Вот так, браток! И писать надо для нашего замызанного, сиволапого мужика, который несёт тебя на своём горбу в рай. Или горбе, как правильно, студент? Недоедает, недосыпает этот мужик, толчётся в грязи, но только чтоб интеллигент,

как дитя малое, был всем доволен, чтоб славил нашу Родину. А оперившийся интеллигентик, забыв, за чей счёт он жил, на чьей спине выехал в люди, вдруг замечает, какой некультурный этот мужик, как смешон он. Вот так мы и живем. Неблагодарно! Неблагородно! Что же касается поэтов, то их родит история. Живётся тихо-мирно – и поэзия чирикает, порхает с цветочка на веточку, настало грозное время – и стихи пахнут бурей, потом и кровью! Хотя, хватит с нас крови.

– Да вы, товарищ подполковник, прямо-таки трактат сочинили, – искреннее восхищение вырвалось у сержанта.

– Ну, уж и «трактат»! Долг свой хочу исполнить, книгу написать. А когда её писать, если не сейчас? В валенках на завалинке? Тогда и книга будет войлочной-удобной для всех. Такого не должно быть! Вот так!

– Прочитайте что-нибудь из своего, – попросил Фёдоров.

– Слушай:

*«Завывает злая вьюга,
Стонет и ревет,
Шимаханская царица, знаю, не придет.
Не придет и не обнимет,
К сердцу не прильнет,
Страстью нежной, безудержной
Душу не сожжет...»*

– Дальше продолжать?

– Красиво, но где борьба?

– Борьба будет потом. Это тренировка руки и ума.

Сержант задумался, пошарив биноклем по горам, сказал:

– Я тоже пытался писать, ещё в школе. Но стихи получались какие-то розовые, такие обычно пишут восьмиклассники, влюбившись в учителя по физкультуре.

– Ты не огорчайся. Про любовь и жёлтые опавшие листья пишут все начинающие. Это как стенка, за которую держится, ставший на ноги ребёнок. Потом уже, если ты полон гражданства, будет и твоя «Гренада». – Эге! Никак появились, – прервал свои размышления о поэзии Гайдаенко. Прильнув к биноклю, считал: – Три, семь... десять, пятнадцать... ещё... Давайте, миленькие, продвигайтесь, мы заждались, бока отлежали.

– Товарищ подполковник! – тихо позвал Фёдоров. – Вон ещё, на соседней горе.

По склонам гор тремя потоками спускались душманы. Их путь лежал к ущелью, по которому узкой извилистой лентой тянулась дорога. Насколько трудна и опасна была эта дорога, можно было судить по множеству искорёженных и сожжённых машин, их скелеты валялись на обочинах дороги, в ущелье.

Вот остановился направляющий ближней колонны. В бинокль хорошо видно его бородатое лицо, белая чалма. Подождав, когда подтянутся отстающие, он что-то им сказал, выразил недовольство, махнул рукой, и отряд продолжил свой путь. Шли они уверенно, по волчьим, шаг в шаг, мягко ступали на каменистую тропу.

– Передай: приготовиться к бою! – приказал Гайдаенко сержанту, и чуть слышно прошептал сухими губами: – Ну что ж, Святая Анна, выручи и на этот раз!

Шквал огня обрушился на душманов, когда сошлись они в низине, как в котле. Заметались, иссекаемые осколками и пулёмётными очередями, падали за камни, сеяли в ответ слепые, зловеще воющие в рикошете, пули. Ухнул с их стороны миномёт, и тут же за спиной Гайдаенко рвануло, осколки металла и щебня редкими горячими каплями посыпались на землю.

– Засеки его!

Фёдоров, высунувшись, стал всматриваться, силясь определить хотя бы место, где мог бы укрываться миномётный расчёт.

– Вон за той скалой, – показал он рукой после того, как ухнул ещё раз миномёт и сизый дымок взвился над землёй. – Их так просто не выкурить оттуда.

Всё чаще и чаще рвались мины, нащупывая жертвы. Освоившись, душманы короткими перебежками устремились за спасительную скалу, мелькнула белая чалма. Сержант выстрелил, но мгновением раньше скала прикрыла цель.

– Сейчас бы парочку вертолётов сюда! – сказал Фёдоров, досадуя за промах.

– Обойдёмся без вертолётов, – сощурился глаза, обдумывал план действий Гайдаенко.

– Так их не взять, а с темнотой уйдут.

– Знаю, – с нескрываемым раздражением сказал офицер, и сержант понял, что со своими советами ему лучше не соваться под руку. – Передай Федосееву: пусть взводом ударит с тыла, вон из-за той высотки, – показал он рукой на противоположную гору. – И ещё передай: без особой необходимости не лезть на рожон. Они и так от нас не уйдут! Передашь – и сюда!

Перестрелка затихла сама по себе, как не дающая видимых результатов. Гайдаенко ждал, когда ударит взвод роты Федосеева и выкурит противника из-за скалы. Душманы ждали темноты и поддержки. Минут через сорок донесли частые выстрелы, взрывы гранат и сквозь треск в наушниках послышался тревожный голос командира взвода лейтенанта Веремчука:

– Мы напоролась на засаду! Двое убиты! Есть раненые!

– Закрепись! Не отходи! – приказал Гайдаенко. – Я вызываю вертолёты!

– Атакуют! – прохрипела рация и задохнулась.

– Держаться! – настаивал командир. – Высылаю поддержку и вертолёты.

Направленец от авиации уже вызывал вертолёты, он передал, интересующие офицера боевого управления, данные, после чего тот попросил обозначить себя и противника в нужное время ракетами.

Через пятнадцать долгих минут послышался звенящий гул, и вскоре среди гор показались две точки. Вертолёты маневрировали, меняя курс и высоту, приближаясь к цели, увеличивались в размерах. Вот уж видны поблескивающие колпаки остекления, одиночными искорками сверкали отстреливаемые ловушки.

«Пора!» – решил Гайдаенко, и в воздух взвилась зеленая ракета, брызгаясь искрами, она сгорела, не долетев до земли. Две красные, одна за другой, по пологой траектории, со злобным шипением устремились к утёсу. И тут же послышался хрипловатый голос:

– Удаление пять. Подтвердите цель.

– Цель: скопление противника, минометная точка у скалы внизу, – передал направленец.

– Это оторвавшаяся от горы скала? Красная такая? – уточнял ведущий. Направленец подтвердил.

– Работа! – сообщил ведущий, и тут же с двух вертолётов сорвались и помчались с грохотом хлесткие плети реактивных снарядов. Вспухла пылью земля. Обезумевшие от страха душманы кидались во все стороны, и их везде настигали и секли горячие осколки.

Гайдаенко наблюдал за попавшим в беду противником, и не испытывал при этом ни чувства мести, ни жалости, он, как в кино, был зрителем, наблюдавшим жуткую картину запланированного историей уничтожения людей.

– Земля! – затрещала радиостанция. – Чем еще помочь?

– За горой, слева по курсу, в километре-двух наши попали в засаду. Им надо хорошо помочь, при возможности забрать раненых, – передал Гайдаенко. Вертолёты легли на боевой курс, заложив такой крен, что Гайдаенко зажмурился, ожидая беды. А когда открыл глаза, то вертолёты, разбрызгивая винтами солнечные искры, мчались по самому дну ущелья, чудом не касаясь лопастями отвесных скал. Вот они вышли «на горку», свалившись на правое крыло и опустив нос, ринулись в атаку.

Гайдаенко пытался вызвать Веремчука на связь, но тот не отзывался. «Не надо было посылать их туда, – упрекал он себя. – Вызвал бы сразу вертолёты, и обошлось бы без потерь».

Хриплый голос прервал мысли.

– Ещё чем помочь? – спрашивал летчик.

– Поддержите нашу атаку.

– Рассчитывайте на десять минут, – предупредил лётчик.

Хоть и много уже было на счету атак, а все же какая-то сосущая тревога поселилась рядом с сердцем и сжимала его все сильнее и сильнее.

Взглянув на часы, было 15.20., Гайдаенко ракетой поднял подразделения в атаку. Осыпая камни, устремились вниз солдаты и офицеры. С той и другой стороны защелкали, засвистели пули.

Мелькнула белая чалма. Крупными прыжками Гайдаенко устремился за ней, и тут же почувствовал страшной силы удар в живот, повергший его на острые камни. Каска, звякнув, покатились вниз. Подбежали Фёдоров и капитан Федосеев. Они залегли рядом.

– Живы, товарищ подполковник? – тронул его за плечо Фёдоров.

– Жив... Ранен в живот... – сглатывая солоноватую сукровицу, ответил Гайдаенко. Глубоко вздохнув, приказал Федосееву принять командование группой.

– Поспешите. Уйдут, – слабеющим голосом сказал он.

– Хрена куда уйдут! – зло выругался Федосеев, срываясь с места туго взведённой пружиной.

Фёдоров ввёл командиру обезболивающее и кинулся искать фельдшера. Зажав ладонью рану, Гайдаенко следил за боем. Он видел, как сужался круг, как выходили из укрытий душманы с поднятыми руками, как Федосеев швырнул за скалу одну за другой две гранаты, а потом сам метнулся туда, сея огонь из автомата. «Пропадёт ведь, отчаянная голова!» – подумалось.

Всё реже и реже трещали выстрелы, всё больше набиралось сдавшихся. Через четверть часа всё было кончено. В плен захвачены двадцать три душмана. Убитых никто не считал, свои потери – три человека, без учета взвода Веремчука, от него по-прежнему не было никаких вестей. Как никогда было много тяжелораненых. Работы медикам хватало. Около Гайдаенко, задыхаясь от бега, облитый кровью, упал на бок санинструктор Тумашевский. Вскрывая пакет, оправдывался:

– Не мог сразу к вам, товарищ подполковник, – говорил он, все еще тяжело дыша. – Сарнов тяжело ранен в грудь, еле вывел его из шока, много крови потерял. – Перевязывая рану, опрометчиво присвистнул и отправил Фёдорова к радиации, чтобы передали команду летчикам сесть и забрать раненых.

Провели пленных. Шли они, опустив головы. Видной фигурой был тот, в белой чалме. Он не поднимал головы, не смотрел по сторонам, он не замечал никого и ничего. Сверкающей белизны чалма в двух местах пробита, черная с проседью борода обрамляла холеное лицо, черные притуманенные глаза отрешенно, невидяще остановились на одной точке, руки спокойно и методично перебирали чётки.

«Этот знает, за что воюет, – подумал Гайдаенко, провожая взглядом пленных. – А это, в рваных галошах, за что?»

Подбежал Федосеев.

– Как вы, товарищ подполковник?

– Терпимо. Командуй до конца операции. Не горячись. Береги ребят... Я скоро вернусь, передай им...

Вертолётчики знали своё дело, без команды пошли на посадку. Проходя над лежащим Гайдаенко, обдали его тугой струёй воздуха, запорошили волосы каменной пылью. Из раскрывшихся дверей первого вертолёта выскочил бортовой техник и побежал к группе солдат, от них

– к Гайдаенко. Доложил, что могут взять на каждый борт семь-восемь раненых, которые могут сидеть, или по четыре лежачих. Только надо спешить, предупредил он, топливо на исходе.

Рядом лежал солдат с простреленной грудью. От большой потери крови он был так бледен, что этого не мог скрыть крепкий загар. Бегом, на плащ-палатке несли ещё одного раненого, с ним, придерживая тяжелую сумку с красным крестом, бежал Тумашевский. Впихнув и этого раненого в вертолёт, он стал искать взглядом местечко, куда бы самому втиснуться.

– Всё, сержант! Полный комплект, – сказал бортовой техник, показав на раненых.

– Но я должен быть с тяжёлыми, – настаивал Тумашевский. Борттехник, молча, захлопнул перед ним дверь.

Солдат с простреленной грудью был без сознания, тяжело дышал, кровь пузырилась на его губах.

«Прострелены лёгкие, – догадался Гайдаенко, наблюдая за солдатом. – Светло-розовая кровь характерна для таких ранений. С таким ранением далеко уходит зверь, значит, и солдат будет жить».

Во время полёта бортовой техник изредка заглядывал в кабину лётчика, а в основном занимался свалившимися на его душу пациентами. Он достал из сумки на борту термос, сбрызнув водой полотенце, приложил его к лицу молоденького солдата, которого внесли последним. Солдат не приходил в сознание, голова его как-то странно откидывалась, глаза закатывались под лоб, борттехник, освободив грудь солдату, протёр её мокрым полотенцем. Солдат затрепетал длинными ресницами, бортовой, оставив его на время, хлопотал уже над соседом Гайдаенко. Он попытался нащупать пульс и не смог, мгновенно появился у него в руках кислородный баллон с маской, опробовав на себе его действие, он наложил маску на лицо раненому. Это не помогло, тогда с опаской поглядев на окровавленные бинты, бортовой, впервые засомневавшись, принялся давить на грудь, сперва очень осторожно, потом все сильнее и сильнее. Вздогнул солдат, судорожная волна прошла по его телу, заходила грудь, наполняя легкие кислородом. Бортовой с облегчением вздохнул, сдернул с мокрой головы шлемофон, откинулся к перегородке кабины. Пятно на груди солдата росло на глазах, потоки крови поползли по бокам к спине.

Другой, с перебитой ногой, попросил воды, и бортовой подал ему кружку с водой. Черные блестящие глаза бортового техника все схватывали, за всем успевали следить, ничего не ускользало от его быстрого взгляда, и работал он так же быстро и сноровисто. Ни одного лишнего движения!

С воздуха лётчик передал, что на бортах раненые, есть тяжёлые, и потому «скорые» их уже ждали на аэродроме.

Когда уносили Гайдаенко, он посмотрел на кабину лётчика. В тяжелом защитном шлеме усталое горбоносое лицо, лётчик смотрит каким-то отсутствующим взглядом на носилки, но вот взгляды их встретились, Гайдаенко взмахнул прощально и благодарно лётчику рукой, в ответ тот ободряюще улыбнулся и поднял вверх руку в черной перчатке.

Осматривал сам главный хирург полевого госпиталя. Он был, как сначала показалось Александру, не в меру говорлив и медлителен. Шутки-прибаутки составляли главное в его речи. Гайдаенко хотелось покоя, а этот, в солидном уже возрасте человек, пытается его развеселить.

– Скажи, подполковник, – хитро прищурившись, ощупывая вокруг раны, спрашивал хирург, – небось, соскучился по нашим красавицам и специально подставил пузо ворогу? А? Я прав? – и заглядывал в лицо сероглазой красавице-сестре, быстро писавшей в журнале. Сестра понимающе, обязательно, улыбалась, показывая ямочки на щеках. – Все так и рвутся к нам. Так, пиши, Любочка: «Проникающее ранение в брюшную полость»... Как будем писать, герой с дырой, – «чуть пониже пупка» или «чуть повыше того самого»? Да, если б чуть пониже, тогда бы можно было не досчитаться кое-чего важного. – Опять хитрый взгляд на сестру, опять

в ответ обязательная улыбка. – Давай, Любочка, срочно готовь, будем ремонтировать. Брить, соблюдая все меры предосторожности, сохрани, милая, этому красавцу то, что он чудом не потерял в бою. Давай, командир, и ты готовься. Время против нас. – Сказал и пошёл, тяжело ступая по скрипучим доскам пола.

Проснулся Александр после операции, когда за окном стояла чёрная ночь, и первое, что он увидел, была склоненная над соседней койкой громоздкая фигура в белом халате. Александру ничего не хотелось: ни есть, ни пить, ни думать, да и жить не очень-то хотелось, какое-то оцепенение овладело душой и телом. В голове шумело, стучало в висках, болело в затылке. Живот туго обтянут бинтами и внутри его покалывает тонкими иголочками.

Фигура над кроватью распрямилась и быстро, как только могла, заковыляла к выходу. Появилась тут же группа врачей, они окружили кровать.

– Пульс не прощупывается, – сказал кто-то из них тихо, – зрачок на свет не реагирует.

– Срочно на стол! – глухо прозвучал голос старого хирурга, его Александр распознал бы теперь среди тысячи других.

До полудня соседняя койка пустовала, а потом на нее положили водителя БМП, подорвавшегося на mine. Ему оторвало обе ноги до колена. Глядя на своего соседа, Гайдаенко не мог понять по его поведению, знает ли тот, что с ним сотворили, или ему все равно, есть ли у него ноги, нет ли их – такое спокойное, умиротворенное лицо было у этого паренька из Северного Казахстана.

В конце дня в палату вошёл хирург.

– Здравствуйте, орлы! – громко произнес он, застолбив громоздкое своё тело в центре теснившихся коек. – Как самочувствие? Что приуныли Аники-воины? Как рука, боец-огурец? – подошел он к солдату-узбеку. – Ничего – это когда нет ничего, а у тебя вон какое чего. Такой рукой хорошо деньги с прилавка в мешок смахивать, а ты – ничего!

– Ну, командир, что-нибудь беспокоит? – подошел он к Александру. – Ничего – это тоже хорошо! Газы отходят. Отлично! Дней через пяток рванем в глубинку. Куда бы хотелось? Ташкент? Алма-Ата? Фрунзе? Или в Европу махнем?

– Я как-то об этом не думал. Мне, собственно, всё равно, – ответил Александр, зная, что в Елово его не повезут.

– Тогда запишемся в город яблоч, где они дороже, чем на крайнем Севере. Зато как они пахнут! Нет, это надо самому испытать! – нос хирурга сморщился, задвигался, выискивая среди волн госпитального запаха ароматные струи алма-атинского апорта. Он так старался, настраивая свое обоняние, что лицо его приобрело какое-то жалкое выражение обиженного судьбой нищего, которому, ко всем его несчастьям, ещё и не дали понюхать яблоко.

* * *

Алма-Ата встретила «афганцев» чистым утренним светом, широкими спокойными аллеями из золотисто-белых берёз и тополей. Вдали сверкали бело-голубые вершины Алатау.

– Красиво как! – вырвалось у больного с повязкой на глазу.

– Дай тебе второй глаз, – ты бы еще не то увидел, – пошутил солдат с гипсом на ноге.

– Дай тебе десять глаз, и ты не увидишь того, что я вижу одним, – парировал с повязкой на глазу. – Здесь важно, что встречает свет под черепком.

Гайдаенко поместили в офицерскую палату, убогую на вид, с облезлыми стенами, облупившейся на окнах краской, свисающей проводкой и одинокой тусклой лампочкой под высоким серым потолком. Его кровать стояла слева от двери. У окна в этом же ряду лежал диковатого вида отставник-подполковник, работник политотдела в прошлом. Он постоянно кутался в байковый халат, закрывал окна и двери, разглядывал и конопатил щелочки, из которых, якобы, сифонит, он жаловался врачам, сёстрам, санитаркам на сквозняки, плохое питание и «стул»,

на то, что ему не меняют каждый день белёе, а он ведь так слаб, он так потеет, а здесь так дует... Свое отношение к «политику», как сразу же окрестил этого беспокойного за своё здоровье человека, Гайдаенко выразил короткой фразой: «Туда бы тебя хоть на недельку».

Справа у окна лежал после операции молодой красивый капитан. Тонкое интеллигентное лицо, приятного ровного загара кожа, волнистые густые волосы и резко очерченные красивой формы губы привлекли сразу же внимание Александра, видевшего последнее время только огрубевшие под солнцем и ветром лица солдат и офицеров. Капитан говорил мало, но охотно отвечал на все вопросы Гайдаенко, чаще же его взгляд блуждал по снежным вершинам гор, блеск которых не могли затмить даже мутные стекла окон.

При разговоре с Гайдаенко капитан интересовался делами в Афганистане, не прямо, а исподволь пытался выведать отношение Александра к этой войне, своего же мнения на этот счёт не высказывал.

Напротив койку занимал ветеран, видать, боевой офицер был в то, его, время, а сейчас он сидел, закутавшись в серый больничный халат, и трясся в диком ознобе. На лбу его и кончике носа выступили дрожачие капельки холодного пота. Правая щека ветерана иссечена навечно синими осколками пороха, она дёргается, кривит рот, левая бровь удивлённо приподнята, под ней по-соколиному неподвижен светло-голубой глаз. Глаз невидяще упирается в тебя, загоняет в тупик своей кажущейся пронизательностью.

– Может, врача позвать? – тихо спросил Александр, видя мучения ветерана. Тот направил немигающий глаз, как ствол пистолета, в лоб Александра и продолжал молча отстукивать дробь ледяными зубами. Александр повторил предложение.

– Не надо, – ответил ветеран. – Камень идёт, и они едва ли чем помогут.

– Может, какое лекарство дадут?

– Какое тут лекарство. Видать, время пришло.

– Стоит ли так отчаиваться? Мало ли у кого этих камней выходит, – старался приободрить ветерана Александр. – Выйдут и ваши, и будете жить ещё сто лет!

– Нет. Моё поколение ускоренным маршем отходит к последней черте, и редуют на глазах наши цепи. – Дрожь слегка отпустила, и ветеран продолжал тихим голосом: – Да, я уже первый в очереди. Был двенадцатым. Одиннадцать отнесли, теперь мой черед.

– Как это? Почему ваш? – не понял Александр.

– Ерунда это, конечно, но так получилось, что я загадал, когда уходил из армии, что буду двенадцатым из всех, кто меня провожал... И вот месяца нет, как унесли одиннадцатого, Ивана Железнова.

– Но вы-то знаете, что это чушь? – вмешался с возмущением «политик». – Мракобесие какое-то! И это говорит офицер! Коммунист!

– Говорит человек, проживший большую и трудную жизнь и, следовательно, способный предугадать свою судьбу, – не повышая голоса и не обращая ни к кому, сказал ветеран и опять затрясся в ознобе.

Скучно было лежать сутками в постели, и рана давала о себе знать острой болью. Порой казалось, что внутри все разрывается, тогда приходила сестра и делала укол, боль отступала, но, тут же, донимали мысли. Чего только не приходило в голову! Иногда хотелось поделиться с кем-то своими думами, да всем было не до них: «политик» конопатил щелочки, подозрительно присматриваясь ко всем, кто просил приоткрыть форточку; ветеран корчился от боли, лязгая ледяными зубами; капитан то и дело уплывал куда-то далеко и высоко. Александру забавно было наблюдать за встречей капитана с его женой. Она приходила каждый день, была такая же красивая, только земная. Сразу же, с порога, едва кинув всем быстрое «здрасьте», она устремлялась к своему любимому, быстро целовала и крепко, по-матерински, прижимала его голову к своей груди. Капитан стыдился такого обращения с ним на людях, умоляющим взглядом

просил не делать этого, но жена продолжала нацеловывать его, не обращая никакого внимания на присутствующих.

– Ну, Лена! – просил тогда он, ощущая холодок глаз «политика». – Ну, погоди!

Александра смешили эти истории, он привык к ним, как и к обезболивающим уколам, и ждал, поглядывая на часы, быстрых каблучков, резкого стука в дверь, мимолетного «здрассте», и, что тут греха таить, хотелось, чтобы кто-то так же влетал к нему и гладил его, и целовал, не обращая внимания на «политика» в тёплом халате.

Анюта вспоминалась часто бессонными ночами, невыносимой становилась тогда душевная боль, которую не заглушить никакими лекарствами. Хотелось кричать, рвать опостылевшее саванное белье, бежать, бежать, куда глаза глядят... Брал тогда за грудки офицер свою душу и тряс, убеждая, что так должно быть, что так надо.

Отсюда он отправил Анюте два письма, написал, что находится в командировке и что скоро вернется в Афганистан. И поскольку он долго тут не собирается быть, то и писем ему писать сюда не надо, и адреса обратного он не сообщает.

Анюта получила первое письмо и успокоилась: слава Богу, ее Саша жив и здоров. Больше ей ничего не надо, только был бы жив. Но когда получила второе письмо, то забеспокоилась, почувствовав неладное.

– Бабулечка! – прибежала она к бабе Варе со слезами на глазах, – я знаю, с ним что-то случилось... Я поеду к нему. Я узнаю... Может, ему, чем помочь надо, а я тут сижу. Кровь, может, надо...

– Да успокойся ты, помощница, – баба Варя присела на сундук. – Ну, чо ты разревелась? Эвон слез-то скольпустила, море! Расскажи толком, чо случилось?

– Да вот письмо...

– От командира, чо ли?

– Нет, сам он написал. Но чувствую, что совсем не так это, он что-то скрывает...

– Тю, дуреха! Переполошила всех! Коли сам написал, то и жив. Чо тебе еще надобно? Чо ревешь-то?

– Адреса обратного не написал, – виновато протянула Анюта конверт бабе Варе, вытирая слезы и понемногу успокаиваясь.

– Да знаешь ли ты, как военные адреса-то меняют? Почитай, кажный месяц. И чо теперь ты всякий раз ревмя реветь будешь? Пусть их меняют, если им так хочется.

Анюте стало легче на душе от слов бабы Вари, от убежденности её повеяло надеждой, улетучилась тревога. Заблестели её ясные глаза, прижалась она к тёплой старческой щеке и упорхнула, как и не бывало её тут.

Совсем неожиданно для Гайдаенко его навестила двоюродная сестра жены, Катя. Она вошла в сопровождении няни, когда Александр, убаюкиваемый тихим посапыванием спящих после обеда соседей, дремал, опустив на грудь зачитанный до дыр журнал. Катя появилась, как во сне. Александр так сразу и подумал, а раскрыв шире сонные глаза, понял, что это не сон, что перед ним живая красавица, его любимая родственница Катя.

– Катя? – привстал он. – Ты ли это? Или мне всё это снится? Какими судьбами? – посыпались на смущённую Катю вопросы.

– Да вот так, – пожала Катя плечами, – узнала, что ты здесь, и приехала.

– Откуда ж ты узнала? Я ведь никому не писал.

– Ты не писал – другие написали.

– Катя, милая, да садись же ты, что стоишь, как чужая, – спохватился Александр. – Возьми вон свободный стул.

Катя присела, повесив на спинку стула сетку, как догадался Александр, с передачей для него.

– Ну, рассказывай теперь, что у тебя хорошего, Катюша, – попросил он, удерживая её руку в своей.

– А что у меня может быть хорошего? Годы идут. Стареем, – не переставая улыбаться, ответила Катя.

– До старости тебе ещё далеко, – отверг Александр заявление Кати на этот счет. – И ты всё такая же красавица. И улыбка такая же, как десять лет назад.

Щеки Катерины запылали кумачом.

– Не красней, не красней, – Александр поднёс к губам крепкую в ссадинах руку Кати. – Красивей тебя я не встречал женщин, а улыбка... улыбка Моны Лизы.

– Ты не исправим, Саша, – взъерошила Катя волосы Гайдаенко. – Хоть и седина уже.

– Бобёр славен серебром, – хитро подморгнул Александр. – А как твой Фёдор?

– Фёдор верен себе: все так же попивает, если не сказать прямо – пьёт. Одна у меня отрада – дети.

– Старшей, если не ошибаюсь, около пятнадцати?

– Не около, а скоро шестнадцать. Скоро замуж запросится.

– И жених есть?

– Чего доброго, а этого хватает. Так и гляди...

– Тоже проблема, – улыбнулся Александр. – Но откуда ты всё же узнала, что я здесь? – его очень интересовал этот вопрос.

– Валентина написала, а ей из твоей части сообщили. Всё, как видишь, просто.

– Странно немного. Кто ей мог написать? Хатынцев, наверное, добрая душа.

– Хатынцев ли, Башкирцев какой – я не знаю, а вот жена твоя попросила разыскать тебя, – развела руками Катерина.

– И что же ей от меня надо? – потемнели и сузились глаза у Александра.

– Что жене от мужа надо? – улыбнулась какой-то неестественной улыбкой Катя. – Денег и любви.

– Деньги она получает по аттестату, и с любовью вопрос решен – любви не получилось.

– Наивный ты, Саша, как я погляжу. Ты же знаешь, что все сейчас, как с ума посходили, бредят чеками, японскими магнитофонами и дублинками... Твоя жена – не исключение.

Гадко стало на душе у Александра, это заметила Катя и попыталась хоть как-то его успокоить.

– Ну, что ты расстраиваешься так, чудак? – взяла она вспотевшую руку Александра. – Разве стоит из-за этого так переживать? Неужели ты не знал, что Валентина болеет этой заразной болезнью?

– Я не врач, Катя, угадывать чужие болезни не умею, и если хочешь, то передай ей, что чеков у меня нет, а какие были, я их роздал тем, кто носит мои горшки. И еще скажи: как только заживёт дырка в животе, поеду снова «зарабатывать» чеки, пусть уж подождет немного.

– Я понимаю тебя, Саша, ты на неё в обиде. Кстати, она тоже не хвалит тебя. Но это ваше дело, и вы сами разберётесь. – Катя всё ещё держала прохладную, нервно дрожащую руку Александра в своей и нежно поглаживала её.

– Расскажи лучше, что с тобой? Куда ранен? Как поправляешься? Может быть, тебе какое лекарство надо, постараюсь достать.

– Лекарств не надо, не беспокойся. Ранен я удачно, если считать вообще ранения удачей, и операцию сделали чисто. Вчера разрешили пройтись по палате, сегодня сделал вылазку в коридор. Ничего. Выкарабкаюсь. Помирать нам рановато.

– Тебе, наверное, после ранения отпуск полагается?

– Полагается. Поеду к отцу. Старик изнурился, ожидая меня, а жить ему осталось недолго. Поживем с ним спокойной жизнью отшельников в таёжной глуши, послушаем в последний раз вой метели...

Катерина, слушая, не слышала Александра. Она видела перед собой одинокого человека, и ей очень хотелось по-матерински прижать его голову к своей груди...

– А то заезжай к нам. Это совсем рядом, полтора часа самолётом. Рейсов много. Встретим на машине. – Сказала она, заранее зная, что её предложение не будет принято.

– Спасибо, Катюша, – поблагодарил Александр, – но я не смогу этого сделать. Времени мало, а дел много.

– Ну, какие дела могут быть у тебя сейчас? – повысила голос Катя. – Гуляй, отдыхай, развлекайся. Я бы только так и делала. Ведь неизвестно, как дальше дело обернется. Хорошо, если без последствий. – Прикрыла глаза рукой: – Господи! Могли и убить. Ужас!

– А что тут ужасного, Катя? – не рисуясь, сказал Александр. – Каждый день кого-то мы не досчитываемся, а жизнь продолжается, и ты обрати внимание на лица людей. Ты не увидишь скорби по безвременно ушедшим. Скорбные лица ты увидишь на кладбищах, у могил сыновей, на стандартных памятниках кому выбиты стандартные слова.

– Скажи, Саша, ты должен знать, долго ли ещё это будет продолжаться? – спросила тихо Катя и оглянулась на жалобно всхлипывающего во сне «политика».

– Вряд ли кто знает это, – покачал головой Александр. – Если добиваться того, чего мы хотим, то это надолго. Если учитывать желания народа Афганистана, то смазывать пятки и чесать оттуда, чем раньше, тем лучше, потому как не туда мы влезли, не в свои дела влипли...

«Политик» недовольно стал покашливать. Александр, снизив голос до шёпота, постарался закончить речь на оптимистической волне.

– Твой Вовка, Катюша, туда уже не успеет, – заверил он.

– Ему уже двенадцать, – тоже перешла на шёпот Катя, – всё может быть, и я об этом уже задумываюсь, переживаю. Да и у нас в стране творится что-то непонятное... – Подняв полные любви и нежности глаза, Катя с улыбкой сказала: – Ты себя хоть береги, не лезь зря куда попало.

– Учту твои пожелания, – улыбнулся в ответ Александр. – Сберегу себя, для кого только – неизвестно.

– Для меня сбереги, – лукаво ответила Катя, а по глазам судить – вроде бы и серьезно.

Вскоре она засобиралась: ей надо улететь пораньше, засветло добраться домой. Выставила из сумки в пустую тумбочку кульки и банки, выпрямилась, и Александр отметил, что Катерина уже не та девочка, стройная и непоседливая, какой он её видел лет десять назад, а слегка пополневшая, но эффектная женщина. Приподнявшись на измятых подушках, Александр протянул руку Катерине, та же обняла его и крепко поцеловала в запекшиеся от постоянного жара губы. Поцелуй был долгим и крепким, так прощаются навсегда бесконечно близкие люди.

К отцу Александр приехал в конце ноября. В Сибири уже свирепствовала жестокая стужа, во всяком случае, Александру так показалось, а в Алма-Ате он только что оставил теплень.

Самолёт прилетел в Иркутск ранним утром. Долго ждали, пока подадут трап. Гайдаенко безучастно смотрел в серый блистер, и всё вокруг было серым: серый снег, серые деревья, серые облака на сером небе. Воспоминания далекого прошлого выстраивались не сразу, может быть, виной тому бессонная ночь, усталость, боль. Что-либо светлое и радостное, что связано с его родиной, он никак не мог припомнить, лезла в голову какая-то невообразимая муть. Вспомнилось, как приезжал он поступать в железнодорожный техникум (на все готовое) и не набрал нужных баллов, как его потом приняли сразу в два техникума: финансово-экономический и физкультурный. История интересная, но долгая для рассказа. Самое интересное, что Александру расхотелось покидать родной дом, братишек и сестрёнок и ехать в пропахший антрацитом город и жить в неопрятном, обшарпанном общежитии. Отец таким решением сына был недоволен, он надеялся на скорую помощь старшего сына, а тут... Спасибо маме, она поняла и защитила.

Подъехал трап, и поплыли сонные, измятые лепёшки лиц вниз, на мёрзлую землю. Морозный воздух каменил лица. Смятой толпой побрели за провожатой к зданию аэропорта. Опять долгое ожидание своих вещей.

Наконец все процедуры окончены, и Александр очутился на улице с легким чемоданчиком в руках. Осталось решить, куда податься. Заскочить на минутку к тётке Даше, значит кровно обидеть её. Она любит долгих, неторопливых гостей, чтоб можно было, не спеша, угощать их самыми лучшими кушаньями, как, например, солёные грузди, огурцы, полненькие, без кожицы, помидоры, черемша, и тут же между стопками жаловаться на многочисленных своих племянников, которым отдала самые лучшие годы. Если б были свои дети... – Вытирала кончиками косынки она слёзы.

А может, навеститься к другу детства, к Митьке Прошкину? Тем более, что он тут же, в аэропорту, работает начальником каким-то, надо понимать, не маленьким, коль по телевизору позволили выступить, об этом писала как-то Александру сестра его, Людмила. Кто бы мог подумать, что из Митьки получится руководитель такого масштаба, ведь в школе он звезд не хватал, чего не скажешь о двойках. В шестом классе Митька остался на второй год, и пути их с этого времени стали расходиться...

– Скажите, где мне найти Прошкина? – спросил Гайдаенко человека в форменной одежде.

Человек смерил офицера с ног до головы.

– Какого Прошкина? Их тут два, а может, и больше.

– Митьку. Дмитрия Елизаровича.

– Тот сидит в управлении. Надо ехать автобусом.

– А кто второй Прошкин?

– Володька. Владимир Елизарович.

– Он же вот таким был, – удивился Гайдаенко.

– Наверное, и был когда-то таким, а теперь он инженер. Киевский институт закончил.

Кстати, он сегодня в ночь заступает.

Нахлынувшие теплой волной воспоминания окончательно убедили Александра навестить друга детства.

Через полчаса он был уже в управлении.

В приёмной, рядом с секретаршей, сидела еще одна женщина, с соломенными волосами, они о чём-то толковали и не обратили внимания на Гайдаенко. Подумаешь, офицер, пусть даже и подполковник, разве мало их тут толкается по вокзалам и аэропортам с одной целью, с одним желанием, побыстрее уехать, поскорей приехать... И этот из таких.

– Я бы хотел встретиться с Прошкиным, Дмитрием Елизаровичем, – обратился Гайдаенко к той, что сидела за столом. Но ответила светловолосая.

– По какому вопросу? Если за билетом, то он этим не занимается.

– По личному делу.

– Он проводит совещание. Подождите немного, – предложила светловолосая, поправляя на плечах белый платок.

– А как долго он совещается?

Светловолосая пожала плечами.

Входили и выходили посетители, а Митькин светлый образ не появлялся и не высвечивался в проёме дверей. Гайдаенко хотелось прилечь, от усталости ныл позвоночник, усилилась боль внизу живота.

«Чёрт дёрнул приволочься сюда со своими телячьими эмоциями, – досадовал он. – Прилёт бы где-нибудь на кресле вокзала и отдохнул бы».

– Передайте, прошу вас, – приблизился он к секретарше, – что в приемной Гайдаенко. У меня нет времени.

– Не могу я этого сделать, – испуганно вытаращила глаза секретарша, а Александр подумал: «Если им так страшно на этой работе, то, какого чёрта они за неё держатся?»

И вдруг в глазах стало темнеть, внезапно затошнило. Опершись на стол, он стал медленно опускаться мимо стула. Белокурая, видя неладное, не растерялась и быстро подставила стул. Звякнуло стекло, Александр подали стакан с водой.

– Я пойду, скажу ему, – решила секретарша, как только Гайдаенко пришёл в себя. – Повторите, пожалуйста, фамилию.

Тут же она вернулась, осторожно прикрыла дверь.

– Не может. Занят, – сказала она, и было видно по её лицу, что она смущена и готова извиниться за кого-то.

Александр повернулся и, молча, вышел. На улице его обожгло морозцем, вдохнув плотного свежего ветерка, он почувствовал облегчение. «Баба с возу – кобыле легче, – решил он. – И о чём бы мы с ним говорили? Он бы участливо корчил рожи и снисходительно, с высоты своего положения, судил бы мою офицерскую жизнь, в которой смыслит не более, чем свинья в апельсинах. Поведай ему о своем разладе в семье, и тут же услышишь что-то нелестное об офицерских жёнах вообще. А что он знает о них?»

– Карету мне! На недельку в Копылово! – произнес бодрым голосом, и прозвучало это громко, потому что шедший впереди старик остановился и впялил в Александра блеклые, с вывороченными красными веками, глаза.

Автобус въехал в село Копылово в густые сумерки и остановился у «Чайной», бывшей некогда церковью, потом клубом, потом рестораном, а потом уже затоптанной, заплёванной забегаловкой, именуемой громко «Чайная». Здесь шофёр должен был съесть свою котлету. Александр не стал ждать конца этой трапезы, тем более что шофёр не спешил, взял чемодан-нишко и пошёл пешком. Ему, в общем-то, было удобней доехать до отца, а не переться через всю деревню добрых полтора-два километра по такому морозищу.

К вечеру мороз крепчал. Щипало с непривычки нос, уши, щеки, и Александр заспешил по гладкому тракту вдоль улицы.

На пустынной, выставшей улице – ни души. В избах закрыты ставни, кое-кто не успел этого сделать, но обязательно сделает перед тем, как спустить с цепи злого пса. Почуввав скрип снега из-под сапог чужака, хриплым басом залаяла собака Тюменцевых. «Интересно, жив ли сам Тюменцев? – подумалось тут же Александру. – У него же было ранение головы».

Занесенные снегом избушки выглядели сказочными. Казалось, что вот сейчас выйдет яркая луна и на одной из крыш «Серебряное Копытце» разметет сверкающие драгоценные камни. А вон из той трубы, швыряющей в небо искры, вот-вот вылетит ведьма на кудрявом пихтовом помеле... За деревней бесы перемели дорогу, и Нечистая в белом бродит среди покосившихся чёрных крестов. На кладбище одиноко светится костер, знать, кто-то не дотянул до талой земли...

Не успел Александр закрыть калитку, как под ноги ему белым облаком выкатился пес и залился звонким лаем. Сверкнул луч света из растворившихся дверей, заскрипели мерзлые половицы сеней, на крыльце появилась сутулая фигура отца. Всматриваясь в темноту, он закричал на неумолкающего пса, соскучившегося на безлюдьи по возможности облаять кого угодно, хоть отца родного. Такая его собачья доля – сначала облаять, а потом лизнуть.

– Ох, и волкодава ты завёл! – сказал сын, войдя в сени на свет.

– Шурка?! – признал сына отец, и пригнулся ещё ниже.

– Он самый, – остановился сын напротив отца. – Ну, здравствуй!

– Здравствуй, сынок! – всхлипнул старик и притёрся небритой щекой к холодной щеке сына. Смахнул, не таясь, слезу корявой, с толстыми обломанными ногтями, рукой. – Я уж думал, не дождусь.

«Сдал отец, постарел, – рассматривал Александр отца при свете тусклой лампочки в прихожей. Отец бестолково топтался между столом и печкой. – Плоховато живёт», – обвёл он взглядом каморку, в которой ему было всё знакомо до мелочей. Всё стоит на своих местах, но всё же, что-то не так, как было при матери.

– Где тут можно повесить шинель? – спросил он отца, принявшегося разжигать печку.

– Да сбрось куфайку, – кивнул отец на угол, где висела его одежда. Видя замешательство сына, сам подошёл и скинул на пол старую, лоснящуюся телогрейку. Заметив пристальный взгляд сына на этой одежонке, пояснил: – Её к поросётам одеваю.

– Купи новую, стоит она копейки. Зачем такую грязь на себе носить, – не удержался сын от замечания.

– Поросётам я в ней люб боле, – перевёл на шутку разговор отец и, кивнув на ноги Александра, сказал: – В такой обуви нонче можно ног лишиться. Мороз ночами жмёт до сорока, и ветер откуда-то взялся, раньше-то его здесь никогда не бывало. На Половинке, в Хоготе ветры были страшные, помню, как под груз ходили. А у нас всегда тихо было. Бывало, подъезжаешь к деревне, а она вся в столбах дыма, так свечой и стоит. – Отец наполнил гнутым черпаком чайник и поставил его на печку. – Я думаю, – продолжал он, подкладывая дрова на взявшийся огонек из лучин, – это все из-за того, что весь лес повырубали. Раньше он тут вот, сразу же за огородами был, медведи бродили, деда твоего Степана в ста саженьях от усадьбы заломал, еле спасли. За тетеревами и рябчиками, как в курятник, ходили...

Александр сто раз уже слышал жалобы отца на бесхозяйственность, на близорукость руководства, не способного умно управлять государством, на людей, которые постепенно превращаются в рвачей и думают только о себе...

– Я видел на кладбище огонь, – перебил отца.

– Калошиха вчера померла, – помедлив, отец добавил: – От сердца... Недавно хоронили сына Митьки Кокорина, в Ав-авганистане тоже убили. То с востока везли, теперь с другой стороны везут. Неужель нельзя не воевать, не убивать, люди же ведь? – отец сосредоточенно скрёб ногтем клеёнку, потом мягко выругался, заметив, что старается напрасно: на клеенке чудом уцелел, не стерся с годами, лепесток рисунка. – Сам-то как теперь? Здоровый, али как? – не поворачиваясь к сыну, и втянув голову в плечи, как бы прислушиваясь к своему голосу, спросил отец.

– Здоровый, здоровый, пап! – хотел убедить отца Александр в несуществующем, но того трудно было провести.

– Худой ты, – только и сказал отец, и тяжело вздохнул.

– Это не страшно. Были бы кожа да кости...

– И то правда, только... – отец хотел сказать сыну, что изменился он, и седина пробила, но не стал лишним раз напоминать ему об этом, и без того не блещет весельем от встречи, как бывало, его сын.

– Надолго сюда? – спросил он, бросая на сковороду кусочки мелко нарезанного сала.

– Дней двадцать поживу.

– А туда не поедешь?

– Нет, не поеду.

– А в этот, как его? В Афганистан свой?

– Туда поеду. Бросил там своих, и не знаю, что с ними...

– Без тебя там никак не обойдутся? Может, хватит с тебя?

– Теперь не страшно. Есть такая теория, по которой выходит, что второй раз уже не подстрелят, – высказался Александр, но, заметив, что не убедил отца классической теорией, пояснил проще: – Ты же сам рассказывал, что прятался во время бомбежки в свежих воронках, и два раза бомба в одно место не попадала.

– Говорил, – врасстяжку произнес отец. – Только бомба – не пуля. Пуля – дура, ей, что в первый, что во второй, один чёрт.

– Вопрос решён, пап. У меня и предписание явиться в свою часть, – сказал, как отрезал, Александр. Отец хотел что-то сказать, но только потоптался на одном месте и зашаркал слабыми ногами на кухню.

– Тут целое происшествие недавно у нас было, – услышался его голос из-за перегородки. – Гришка сына своего на Пасху убил.

– Это сосед, что ли? Случайно?

– Какой там случайно. Убил как есть. Из ружья в грудь, и – наповал.

– И что же за причина? – спросил Александр, припоминая убитого. Он немного знал эту семью, они приехали после, и Александр видел Гришку во время своих отпусков.

– Убежали с другом из армии, неделю тут пили, потом их Гришка выпроводил в часть, а они вернулись, побродили по деревне, поддали еще, пришли к Гришке, разбили окно, хотели влезть, тут и шмякнул он картечью. Так под окном и свалился мешком. – По тону рассказа можно было судить, что отец оправдывает Гришку и не оправдывает его сына.

– Ну, и что ему?

– Ничего. – Старик выдержал паузу: – Не пойму, как можно стрелять в человека, да еще в сына.

Не мог Александр спокойно жить у отца, зная, что где-то тут, рядом живёт его милая Анята. Как-то враз затосковал, помрачнел. Часто и подолгу лежал на кровати, уставившись в потолок, думая о чём-то своём. Отец, видя это, ничего не говорил, а только тяжело вздыхал да качал головой, бурча что-то себе под нос.

По вечерам, за ужином, отец ставил на стол бутылку водки, и Александр, раньше безразличный к «зелю», с видимой охотой брал стакан и залпом выпивал до дна. Веселее он не становился, ещё ниже склонялась его поседевшая голова, мутнел взгляд серых глаз. Отец не донимал его расспросами, и сын был благодарен ему за это. Когда в бутылке не оставалось ни капли, Александр тяжело поднимался с лавки и, пошатываясь, брёл за перегородку, там падал лицом вниз на кровать и так лежал, то ли думая о чём-то, то ли забывшись глубоким сном. Скрипнет раз-другой ржавая сетка койки, и снова могильная тишина на долгое время.

Однажды отец все же решился и после первого стакана, опорожненного сыном, сказал ему:

– Может, тебе съездить куда-нибудь? В Иркутск, хотя бы, к тетке Даше. Ждёт давно.

Сын не сразу ответил. Ему не просто было решить эту задачу со многими неизвестными. Нестерпимо влекло к Аняте и останавливало сомнение в необходимости встречи. Может, ей лучше будет без него, может быть, она давным-давно забыла, что есть он такой, а он, дурак, помнит и надеется... Тянуло к сыну, но там жена и тёща, встреча с ними не то, чтобы нежелательна, она просто невозможна. Ехать к друзьям тоже не хотелось. Получится как с Митькой. Да и о чём с ними говорить? Пятнадцать лет всё-таки. Военных среди друзей нет, кто-то служил срочную, но и он едва ли понял жизнь офицера так, как следует ее понимать. Так же и Александр, в свою очередь, не мог понять жизни «цивильных». Обывательщина, пьянство, довольствие малым в духовной жизни – были очевидны.

Отец, отложив вилку, терпеливо ждал, что же скажет сын. Александр приподнял отяжелевшую голову, внимательно и долго смотрел на отца и, как ни жаль ему было одинокого старика, решил сказать всю правду, мало надеясь, что его слова будут поняты правильно, ведь отец всё мерил своими мерками, и они весьма отличались от мерок его, Александра, хотя в основе их было одно и то же – честь и справедливость.

– Не сердись на меня, – положил руку на плечо отца Александр, – но мне действительно надо ехать. Меня ждёт девушка.

Отец аж поперхнулся.

– Какая еще девушка? – уставился он на сына, и возмущение выдавило краску на его скулах. – Об этом ли думать тебе сейчас?

– Иначе я не могу поступить, – тихо, но упрямо заявил сын.

Сгорбилась пуще прежнего спина отца, выпучила острые крылья лопаток.

– Как знаешь, ты теперь не маленький, – прохрипел он.

– Думаю, со временем и ты меня поймёшь. – Сын не убирал руку с плеча отца.

– Кто хоть она такая? Не из патлатых? – отец глядел с прищуром на вконец запутавшегося, как ему казалось, сына.

– Нет, она деревенская, – улыбнулся Александр. – Сирота, и детишек куча.

– Как – куча? – выпрямился старик, вскинув косматые брови. – Она их в девках натаскала, или уже замужем побывала?

– Да успокойся ты, ради Бога! – с раздражением уже, ему не понравились слова отца, сказал Александр. – Ничего страшного тут нет.

– Как это нет? – кипятился отец. – Своего бросаешь, а чужих, неизвестно от кого прижитых, берёшь и... ничего страшного!

Отец встал из-за стола и был очень возмущен. Александр даже пожалел, что завел разговор с отцом об Анюте. Ни к чему это ему пока знать.

– Ничего страшного в этом нет потому, что эти дети – ее сестренки и братишки. Их мать погибла три года назад, убило током. Анюта – старшая из них, она и за мать, и за хозяйку, а ей и двадцати еще нет. – Теплели глаза Александра, он рад был до бесконечности говорить об Анюте, защищать и восхвалять ее. Жаль только, что не доходят его слова до отца. – Если бы ты ее знал, то ничего другого мне бы не посоветовал.

– Одним словом – ангел, – криво усмехнулся отец.

Заметив эту усмешку, сын обиделся.

– Ты не думай, непросто мне было на это решиться, я ведь уже не мальчик, которого можно поманить пальчиком, а от своей судьбы не убежишь. – Пронзительный, колкий взгляд сына смутил отца.

– Что ж, сынок, тебе видней, тебе жить, – сказал он. – Я прожил с матерью всю жизнь, хотелось бы, чтобы и дети мои были такими же. Всякое бывало, жизнь-то не только из хорошего ткётся, вон какие годы пришлось пережить, но даже и думать не могли, чтобы разъехаться и бросить вас. А сейчас, видно, век такой, потому и живут дети без отцов и становятся ворами да убийцами...

На больное наступил отец не без умысла. Любил он своего внука, надеялся быть рядом с ним, втайне хранил подарок – легкое двустольное ружье какой-то итальянской марки. А теперь всё рушится и не увидит он больше своего Валерку никогда, и пылиться теперь этому ружью до его, деда, смерти, а там кто-нибудь из дальних родственников, падких на чужое, заберёт его себе и удачно променяет на какую-нибудь кастрюлю.

Уехал Александр от отца через три дня после того разговора. За это время помог он ему в кое-каких хозяйственных делах, посидели на прощанье за ужином дольше обычного, пили мало, а больше говорили, строили планы на будущее, советовали друг другу: отец сыну – не лезть на рожон, сын отцу – не рвать жилы, беречь здоровье, не думать о плохом.

Утром отец проводил Александра до остановки. В 8.30 подошел иркутский «Икарус», и сын, распрощавшись с отцом, вошёл последним в промороженный автобус.

Автобус тронулся, стрельнув, как из сигнальной пушки, на выхлопе. Больно сжалось сердце при виде одинокой ссутулившейся фигуры отца, медленно, с остановками бредущего по белой обочине, накатанной тракторами и машинами дороги. «Всё, отец, – подумалось, – нам с тобой встреч больше не праздновать». Саванное ровное поле покатилося навстречу, поплыли сторонами скорбные брошенные избы, с поваленными изгородами, замелькали покосившиеся черные кресты деревенского кладбища...

Дом тети Даши Александр нашел не сразу, он перепутал улицы «Северную» с «Восточной», как назло, неподалеку оказалась и такая. Долго пришлось плутать и выяснять у прохожих, рассказывая приметы улицы, где есть дом под номером 7а.

Дернулись занавески на окне, как только такси остановилось у зеленых ворот, и залаяла собака, обрывая цепь. Тут же хлопнула калитка и тетя Даша, кинувшись на шею племяннику, запричитала:

– Ой, Шурочка, ой, миленький! Да как же это ты живым остался? Да как же они, ироды, чуть тебя не погубили? Ой-ей-ей! А у нас все поумирали...

Племянник, как пораженный громом, остановился среди двора.

– Как – поумирали? – вырвалось у него из спазматически сдавленной гортани. – Кто... умер?

– Анна померла, Юля померла, Нину током прибило, Маруся насмерть угорела, Колю на тракторе убило, – стала перечислять тетя Даша всех родственников, умерших и погибших при ее памяти.

Александр облегченно вздохнул:

– Ну, тетя, и можете вы напугать человека! – покачал он укоризненно головой. – Они же умерли, дай Бог, сколько лет тому. А я уж подумал...

– Как давно? Совсем недавно. Вот, как сейчас, помню Машеньку. Ой-ей-ей! – зарыдала опять тетя Даша, растворяя перед племянником двери сеней. – Такая молодая, такая красивая была! А её этот черт хромоногий бросил, а у ей дети: Мишка и Васька. Сейчас-то они большие, поженились уже, а тогда-то вот какие были. Ох, и хлебнула она горечка с ими. – Опять обильные, но не долгие слезы. – Старший-то хулиганом каким рос, совсем не признавал её, весь в батьку своего хромонокого, чтоб ему черти на том свете и другую ногу отломали! Ой-ей-ей! А младший тоже был какой непослушный: то весь крем с торта ложкой объест, то пилой всё в доме поцарапает. А Анна за всю жизнь сколь горя хлебнула? Андрей и гулял с Карпихой, и с ружьем бегал за ей. Это сейчас он такой стал, а был каким? Только я знаю, сколько ей досталось, натерпелась она горечка досыта. Ой-ей-ей!

Нину, свою младшую сестру, тетя вспоминала уже за столом, пролив мгновенно изрядную порцию слез. И откуда только они брались.

– Не плачьте, тетя, – коротко бросил Александр. – Знать, судьба их такая. И мы когда-нибудь уйдем туда, и мы не всегда были правы.

Тетя Даша удивленно поглядела на Александра и не могла понять, серьезно ли он говорит, или только шутит.

– Да как же не плакать-то? – всплеснула она руками. – Они же умерли, и их уже никогда не будет! Их же мне жалко! Всех, как сейчас, помню! Ой-ей-ей!

Чтобы не огорчать тетю, Александр весь день и вечер не покидал её дома. Успел кое-что прибить, закрепить, поколол дров, сложил их в поленницу под навесом, заменил петлю на двери туалета. Тетя светилась, как начищенный самовар, ходила по пятам за племянником и тыкала пальцем, показывая, где бы ещё он мог проявить свои необыкновенные способности хозяина. Зашедшим подругам-соседкам говорила, кивая на Александра:

– Сын старшей сестры... Из Афганистана приехал, весь-весь простреленный... Полковник уже, скоро генералом будет. Жалко, Анна уже не увидит. Ой-ей-ей!

На следующий день Александр через справочное бюро нашёл Огнёва, и тот пообещал к вечеру собрать всех, кого сможет.

* * *

Стучал поезд колесами на стыках рельс, размеренно качались вагоны, проскакивая сквозь снежные вихри. Появлялись и исчезали неприглядные, затёртые станции...

Попутчики были люди замкнутые, неразговорчивые. Бабка с внучкой, всунутые в купе родителями толстушки-девочки, катились куда-то за Урал, где их должна встретить какая-то тётя Фая, да пенсионного возраста человек с орденскими планками на пиджаке молча, монументально восседал за столиком у окна. Он как-то пусто поглядел на Гайдаенко, ничего не сказал в ответ на его приветствие, и отвернулся к окну, показав выстриженный свой затылок.

Принесли чай. Каждый попил в одиночку, к предложенной Александром курице, подарку тёти Даши на дорогу, никто не прикоснулся, не притронулся, но и его не пригласили на своё. Бабушка упорно заставляла внучку съесть хоть кусочек колбаски, хоть одно яичко, внучка отчаянно сопротивлялась. Пенсионер, как бы между прочим, ни к кому не обращаясь, сказал:

– Да... Нас в своё время есть не заставляли. Мы мечтали о куске чёрного хлеба.

Бабушка, глядя с испугом и уважением на обладателя стриженного затылка, тут же перевела услышанное своей внучке:

– Вот, Лерочка, слушай, что дядя говорит, – утерла она внучке рот большой белой тряпкой, готовя её к чему-то важному. – Он плохо не скажет. Ешь, милая, ешь шанежку.

Прошли по коридору солдаты. Обилие значков, нашивок, кисточек, у одного даже аксельбанты вызывающе болтались.

– Да... В наше время в армии был порядок, – проворчал пенсионер.

Гайдаенко пропустил это замечание мимо ушей, хотя старушка долго и упорно глядела в его сторону, надеясь, что военный даст разъяснение: почему это сейчас в армии нет порядка, тогда как совсем недавно он был. Не дождавшись, поддакнула пенсионеру:

– Вся молодежь ноне испорченная, – сказала она, и в подтверждение своих слов добавила: – Летось в нашей деревне ночью все уборные повалили.

«Интересно прошла встреча с друзьями, – вспоминал Гайдаенко, отрешенно глядя с верхней полки в окно. – Изменились, изменились, и не в лучшую сторону».

Восстанавливалась сцена встречи с друзьями. Как и было задумано, все, кого смог и успел найти Огнёв, пришли к нему домой. Пришли Иван с Лилей, Илья с Катей. Катю Александр видел впервые, она была второй женой Ильи и выглядела моложе его лет этак на десяток. Полысевший Илья, тем не менее, не был похож на жестокого ревнивца. Сергей Петухов был все таким же улыбочивым добряком, упрямый ёжик, как и пятнадцать лет назад, красовался на его круглой голове.

Ирина Коршунова, вот кто изменился до неузнаваемости: из капризной девчушки она превратилась в стройную молодую даму с милой улыбкой.

Глядя на Ирину, можно было подумать, что пресчастлива она в своем одиночестве.

Радостно возбужденные лица, рукопожатия, поцелуи.

– Вижу, не часто вы тут встречаетесь, – заметил Александр, когда немного утихомирились.

– Да вот так и получается, – поддержала его Ирина, – живём в одном городе, встречаемся только случайно на улицах. А иногда так хочется всех увидеть!

– Выходи замуж, тогда поймёшь, как это непросто ходить в гости, – громко, с игривой улыбочкой сказал Иван.

– Вышла бы, да не берут, – не обиделась на его слова Ирина. – Это, во-первых. А, во-вторых, сегодня же смогли встретиться, и, причём, за короткое время.

– Сегодня – особый случай, – также громко продолжал говорить Иван, надеясь привлечь всеобщее внимание. Это у него осталось ещё со школьной скамьи: будучи пионером, он выполнял поручения и ответственные задания, как то: повязывание красных галстуков знаменитым гостям, в комсомольские годы с трибун провозглашал: «Мы – юная смена отцов!» На родительских собраниях его всегда хвалили за необыкновенную активность, бескомпромиссность и ещё Бог знает за что. Короче говоря, руководство школы души в нём не чаяло, равно на столько же его недолюбливали однокашники. – Сегодня мы встречаем и чувствуем нашего

интернационалиста, – продолжал он, и всем, кто его слушал, казалось, вот сейчас Иван проворно соскочит со сцены и накинет красный галстук на шею Александра-интернационалиста, – нашего героя дня – Гайдаенко Александра. Кстати, пора бы и поднять бокалы в его честь. Анатоль! Таня! Как там?

– Садитесь, садитесь! А я сейчас, – выкрикнула Татьяна, пробегая, и на ходу сбрасывая цветастый фартук. – Я только чуть-чуть подмарафечусь.

– Да, хороша и так! – провозгласил Иван.

– Хочу быть ещё лучше! – слышалось из-за двери спальни комнаты.

Когда все расселись, Иван встал и в честь Александра патетически произнес:

– Пока есть такие офицеры, как Александр, наша страна непобедима! За его здоровье!

Александр смутился, пытался навязать свой тост за встречу, за школьных друзей, но его не стали слушать и все дружно опрокинули рюмки.

– Ну, как там наша доблестная армия? – спросил Иван, накалывая вилкой котлетку из баранины. – Броня крепка?

Не успел Александр вымолвить и слова, как заговорил Илья:

– Основное в армии – это люди. Люди, овладевшие сложной боевой техникой. А техника, пожалуй, далеко шагнула вперед за эти пятнадцать лет, ровно столько прошло, как я сказал: «Прощай, оружие!» Страшно подумать! Я ведь мог остаться там, предлагали и, причём настойчиво. Погиб тогда бы во мне слугитель быта и услуг. Какое гордое слово «воин» и сколько прозаически-унизительного в словах «слугитель быта». И, тем не менее, нет у меня желания быть носителем этого блистательного звания, я хочу быть простым слугителем, чтобы повелевать! – Илья поднял руку, сжатую в кулак.

Ирина взглядом требовала от Александра достойного ответа, и он, поколебавшись, размышляя, стоит ли заводить сыр-бор, убедишь ли кого своими речами, если ежедневно, ежедневно вводится вирус нелюбви к армии и к Родине в целом, все же встал и попросил наполнить рюмки.

– Нам трудно понять друг друга, – заговорил он, слегка сузив в прищуре глаза. Смолкли голоса, вспыхнувшие было очажками за столом. – Кто на что способен, кто есть кто – не сразу и не вдруг выясняется. Можно прожить жизнь с человеком и не знать его до конца. А вот армия, особенно в военное время, раскрывает каждого, и все видны, как на ладони. Эта маленькая война...

– А сколько она жизней унесла, – сказала Татьяна, и ей вспомнился гроб с телом двоюродного брата, и как бегала вокруг, ошалевшая от горя, тётя Нюра.

– К сожалению, войн без жертв не бывает.

– Маленькая для страны война приносит большое горе человеку.

Александр решил, что он и его друзья понятия о войне в Афганистане имеют не одинаковые. Навязывать своё мнение он не стал, и закончил словами:

– Я предлагаю выпить за тех, кому уже никогда не сидеть за праздничным столом, потому что их нет в живых. Они отдали свои жизни, выполняя свой воинский и гражданский долг!

Молча, выпили эту горькую чашу.

– Прости, Саша, я тебя перебила, – извинилась Татьяна.

– Ничего страшного, – Александр встал из-за стола, достал сигарету, покрутил ее и спрятал обратно в карман. Все заметили, как дрожали его пальцы, как бледен он. – Вы правы, но и я знаю, что не зря мы там. Я уже не говорю о защите наших границ, это очевидно. А вот видели бы вы глаза тех детей! Огромные, доверчивые. Глаза ждущих помощи, глаза просящих помощи! Маленькие оборвыши без будущего! Это самое страшное – ребенок без будущего. Так неужели мы должны оставаться посторонними наблюдателями в этой жизни и не шевельнем пальцем, чтобы помочь обездоленным?

– Я думаю, они сами бы сумели разобраться в своем государстве. Пусть бы дрались между собой Тараки, Амины, Кармали... Дворцовые перевороты тоже требуют жертв, но там не гибнет и не страдает так мирное население. И вот влезли мы, натравили людей друг на друга и... пожинаем плоды своей политики. – Сказав это, Илья посмотрел на Александра, как на разработчика идеи вторжения советских войск в Афганистан.

– Хватит, мальчики! – решительно вскочила Ирина. – Теперь говорить буду я! Сережа, наливай! – ожидая, когда будут наполнены все рюмки и бокалы, она сосредоточенно думала о чём-то, потом обвела всех невидящим взглядом и заговорила:

– Дорогие мои! Я хочу выпить за здоровье Саши. Пусть он вернётся живым и невредимым. А мы... А я буду молить за него всех святых...

– Ну, тут надо пить «на брудершафт»! – воскликнула Катя.

– А что? Можно и так! – обдала Ирина зеленым чарующим светом Александра и, видя его нерешительность, сама подошла к нему, дерзко встала напротив, грациозно подняла руку с бокалом и, не спуская с Александра насмешливых глаз, наслаждалась его смущением. Выпив до дна под пристальным взглядом окружающих, Ирина закрыла глаза. Александр прикоснулся к ее красивым губам и несколько дольше, чем принято в таких случаях, затянул поцелуй. Сладость поцелуя ощутили все, и, пожалуй, больше те, кто свыкся с обыденностью супружеской жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.